

МИХАИЛ РОЖКОВ

Этюды двадцатого века

*«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»
Евангелие от Матфея*

**«Жить по-божески - вот это подвиг»
А. Левандовский**

В памяти старшего поколения калейдоскопом постоянно всплывают события противоречивого и очень яркого двадцатого века. В рассказах представлены зарисовки о жизни людей, участников этих событий. Судьбы этих людей сложны и противоречивы. Сюжеты рассказов раскрывают жизнь героев в различные периоды века. У каждого из героев своя судьба, своя победа или своя трагедия. При этом это чаще это нравственный выбор, который формулируется фразой: «Жить по-божески»

Автор рассказов написал множество книг и статей по педагогике. Эта книга первая его попытка литературно-художественного творчества.

Отражение века

Проснувшись утром, мы смотрим в зеркало и видим свое отражение. Это не совсем то, что видят в нас другие. Скорее, это представление о себе, а не подлинное наше лицо. Когда человек вспоминает, пытаюсь целостно представить прошедшее время, он не видит того, что можно назвать истинностью прошедшего. Очевидно, что он видит в прошлом свое собственное отражение событий. Вот почему люди, написавшие мемуары, часто встречают непонимание у своих современников. Представление о прошлом у каждого СВОЁ! Потому что отношение к тем событиям, которые происходили или происходят, зависит сугубо от тех установок, ценностных ориентиров, которые отличают людей друг от друга.

В этой книге МОЁ отношение к ДВАДЦАТОМУ ВЕКУ, который ушел в историю. Это был мой век и век моих современников. Романтика, добро и зло удивительно сочетались в нём. Век страшный и прекрасный. Век революций, войн и катастроф. Век рождения новой цивилизации. Век надежды на справедливость и борьбы за права человека. Борьбы подчас более жестокой, чем ее цели.

События двадцатого века – это не просто исторические факты и явления. Это судьбы людей, их переживания, удачи и неудачи, непростые решения и действия, которые изменяли их мир.

Герои моих этюдов - творцы своей судьбы. Чаще всего они противостоят традиционному, поскольку свободные люди даже в тоталитарном обществе во главу угла ставили выбранные ими принципы жизни.

Однажды на вечеринке очень богатый человек рассказывал всем, какой он счастливый. Он может себе позволить любое путешествие, любое приобретение, имеет возможность приближать к себе людей и отдалять их от себя.

Один из гостей спросил его:

- Наверное, надо быть достаточно ловким, чтобы нажить такое богатство? Наверное, став богатым, вы многих сделали бедными и несчастными?

Богач, подумав, сказал:

- Да, чтобы нажить богатство, надо быть безжалостным, бизнес - штука жестокая.

Гость произнёс:

- Может, бизнес штука и жестокая, но счастья эта жестокость не принесёт никому. Счастлив тот, кто живет по-божески.

Богач возразил:

- Я тоже живу по-божески: хожу в церковь, соблюдаю посты, жертвую на храмы.

- Жить по-божески - это жить по законам добра и справедливости,
- возразил гость. – Главное, быть добрым человеком и поэтому по-настоящему счастливым.

В моих зарисовках показаны люди, которые поступают по-разному, и не всегда их поступки можно назвать правильными. Ошибаясь, они все равно в конце концов понимают смысл **ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**.

Жить по-божески

Умирал старик. Старый сапожник Аввакум Алипьевич прожил долгую и тяжелую жизнь. Несколько дней назад он почувствовал себя плохо и слег. Позванный дочерью Варварой лекарь, осмотрев его, покачал головой и сказал: «Болезней много, они своё берут. Немолодой, чай».

За окнами шумела метель. Она стонала и завывала, как смертельно раненый зверь. Решетчатое итальянское окно было разрисовано тюлевым

морозным узором. На улицах старинного города вместе со снегом летали обрывки праздничных украшений.

Новогодних украшений в 1901 году было особенно много. Город Урск, в котором жил старик, как и многие города России, встречал новый век шумно. В дворянском саду и в других частях города гулянья продолжались несколько дней. Даже старик принимал участие в празднике.

Перед глазами Аввакума жизнь его мелькала как кадры в синематографе. Это настоящее чудо недавно удивило всех жителей города, которые по несколько раз смотрели живые картинки на белом полотне, натянутом в летнем театре, расположенном в дворянском саду.

Он вспоминал свое детство и то, как с ранних лет отец заставлял его работать вместе с ним в сапожной мастерской. Благодаря этому Аввакум стал прекрасным сапожником.

Вспомнил он и то, как влюбился в крепостную полячку Уршулу. Она служила у помещика Лушкова. Аввакум работал день и ночь, зарабатывая деньги, и стоял на коленях перед отцом с просьбой выкупить полячку и дать благословение на женитьбу. Кто тогда знал, что уже через три года после его свадьбы отменят крепостное право? Уршула после крещения стала Шурой или Александрой и нарожала ему восемнадцать детей, пять из которых Бог прибрал в раннем возрасте. И когда рожала восемнадцатого, при родах умерла.

Долго Аввакум переживал смерть любимой жены. Но надо было жить дальше. Пять сыновей и восемь дочек выросли и помогали ему по хозяйству. Всех детей он заставил учиться в церковно-приходской школе. Он понимал, что в новом веке грамотность будет большой ценностью.

Аввакум был уважаемым человеком. Его знали как хозяйственного и любящего правду человека. Он никогда никого не обманывал и не любил, чтобы обманывали его, и не только его, но и других. Он был честен с людьми. И это знали все.

Когда француз Пьер, владелец кондитерской фабрики, решил приобрести себе жилье недалеко от фабрики, он просил порекомендовать ему честного человека, которому он бы доверил содержать купленный дом в порядке. Ему порекомендовали старого Аввакума.

Француз купил два дома напротив своей кондитерской фабрики и предложил один дом Аввакуму сдавать жильцам, получая с этой сделки свой значительный процент, а второй дом всегда содержать в чистоте и опрятности, чтобы наезжающий в город Пьер мог в любое время в нем остановиться.

Аввакум, недолго думая, согласился. Мужик он был прижимистый, своего не упустит, а тут, словно с неба, свалился прибыток. Всячески старался получать с жильцов большой доход.

Во дворе, ограниченном двумя домами Пьера, была водяная колонка. Каждое поднятие ручки включало счётчик, который считал количество набранных ведер. Сколько раз поднимешь ручку, за столько ведер и надо платить. Старик установил жёсткий порядок: жильцы набирали воду три раза в день. Это был настоящий церемониал. Он сам отпирал замок и поднимал ручку колонки, а опускал её тогда, когда все жильцы набирали воду. Счетчик учитывал плату только за одно ведро. Аввакум не считал это обманом, ведь ручку он поднимал только один раз.

Жильцы его любили. Он позволял им иногда задерживать плату за жильё, справедливо рассуживал все споры, возникавшие между соседями.

Любое событие, любой поступок он судил двумя оценками: «по-божески» и «не по-божески». Сам он стремился жить по-божески. Старался быть справедливым по отношению ко всем окружающим.

В церковь ходил регулярно, соблюдал все посты, причащался. И поэтому заказы на обувь монахи и послушники Знаменского монастыря размещали только в мастерской Аввакума. Все знали, что он шьет самые лучшие в Урске сапоги.

В монастыре, расположенном недалеко от его дома, он бывал часто. Ему нравилось общаться с монахами. Они были начитанными людьми, знали много разных историй и в то же время не чурались веселья. И поклонялись «зеленому змию», которого славили по поводу и без повода.

День катился к вечеру, старику стало хуже. Один из монахов пришел в его мастерскую за новыми сапогами и узнал, что Алипьевич умирает. «Надо бы старику причаститься», - подумал монах и зашел в комнату, где в полумраке вечера лежал умирающий старик.

- Приветствую тебя, Аввакум Алипьевич. Сказали люди, что хвораешь серьезно. Не будет ли каких поручений братии? Может, исповедоваться, собороваться? Ведь на суд Божий все мы когда-то соберёмся. Надо всегда быть к этому готовым.

Старик молчал, а монах ждал ответа, перебирая четки. Пауза затянулась.

- Ну и что передать в монастырь? - снова спросил монах.

- Пока ничего не передавай. Надумаю - позову, - ответил старый Аввакум.

Монах ушел. А старик вспомнил случай, который поразил его сердце.

Это произошло несколько месяцев назад. Он понес очередной заказ монахам. Проходя по длинным коридорам Знаменского монастыря, которые извивались, как змеи, по всему его периметру, он вдруг услышал женский плач.

Он заглянул за угол бесконечного монастырского лабиринта. Сначала в полумраке он никого не увидел, но потом разглядел маленькую молодую женщину в монашеском одеянии. «Что бы ей здесь делать, в мужском-то монастыре?» - подумал Аввакум.

Она плакала тихо и очень жалобно, как обиженный ребенок. Аввакум никогда не вмешивался в монастырские дела. Даже когда видел бражничающих и безобразничающих монахов, он говорил себе: «Не моего ума дело, сами разберутся».

Но тут он не выдержал и подошел к плачущей женщине.

- Кто тебя обидел, дочка? - спросил он тихо.

Женщина заплакала еще горше.

Он погладил ее по руке и сказал еще тише:

- Расскажи, полегчает.

И вдруг она сквозь слезы стала рассказывать, как её, послушницу недалеко стоящего женского монастыря, послали помогать готовить стол для гостей настоятеля игумена Германа. И как, напившись, один из его гостей толстый иеродиакон Григорий затащил ее в келью и, придавив всем грузом своего громадного тела, молча, не произнося ни единого слова, изнасиловал. Она, заплавав, выбежала из кельи и встретила настоятеля. Он, увидев ее слезы, все понял и сказал: «Смирение и терпение - вот главные достоинства. Перетерпи и прости. Бог ему судья, за грехи земные будет воздано».

- Как зовут тебя, дочка, имя-то мирское у тебя, ведь постриг еще не приняла.

- Дашей меня зовут, - ответила страдальца.

- Уходила бы ты снова в мирскую жизнь, и там можно жить по-христиански, по-божески. Главное делать людям добро и любить людей.

Он еще раз погладил её по голове и пошел дальше. А утром он узнал, что Даша удавилась.

«Не по-божески все это, - подумал, вздохнув, умирающий старик. - Кто призывает меня не грешить, сам не должен грешить. И перед кем мне исповедоваться, перед кем о моих грехах рассказывать?»

Сумерки почти превратились в темноту. Снова прислали из монастыря. «НЕ БУДУ ИСПОВЕДОВАТЬСЯ, - твердо ответил Аввакум. - Не буду, не хочу перед вами, грешниками, душу раскрывать».

Разозленный монах ушел.

- Настя, - сказал Аввакум дочери, - принеси мне самую большую икону спасителя и зажги лампаду.

Он что-то бормотал, крестясь на икону. Потом вздохнул, просветленным взглядом посмотрел на дочь и произнес:

- Вот и поговорил без посредников. А теперь позови, Настя, всех детей, кто сейчас дома.

Когда все собрались у постели умирающего старика, он уже не мог четко выговаривать слова. Но все расслышали только одно: «Живите по-божески».

И после, в забытьи, Аввакум увидел лицо ангела, и это лицо ему напомнило лицо молодой Уршулы.

- К тебе, к тебе, Шура ..., - пробормотал старик и умер.

На похороны старика монахи не пришли и отпевать его отказались.

Так начинался новый век.

Сестры и революция

Сестры-двойняшки крепко и нежно дружили: так две веточки одной березы склоняются в одном порыве и листьями бережно, ласково касаются друг друга. Больше детей семье купца Лаврентия Фирсовича Лихоманкина не было. В уездном городке Глебовск ему принадлежали молочный завод, пять доходных домов и замечательная конюшня - в ней он держал тройку прекрасных лошадей, на которых гордо выезжал на знаменитую Коренную ярмарку. Выезжали почти всегда всей семьей. Жена и девочки празднично одевались в яркие платья и многоцветные платки. При этом всегда старались надеть как можно больше украшений. Лица детей были похожи на лица чудесных ангелочков с пасхальной открытки.

Маша и Даша, так звали детей Лаврентия, учились в женской гимназии, расположенной в красном кирпичном здании на высоком берегу реки Сосны, извивавшейся вокруг холма, на котором был расположен Глебовск. Когда началась первая мировая война, девочки учились уже в пятом классе. Через городок войска проходили на запад. К пристани подходили пароходы, на которых привозили в глебовскую больницу раненых солдат и офицеров.

Девочки бегали на берег Сосны встречать пароходы и старались принести что-нибудь вкусенькое солдатам. Казалось, войне не было конца. С фронта приходили противоречивые сообщения. Девочки выросли, перешли в последний класс гимназии, превратившись в прекрасных невест, а война всё не кончалась.

В марте семнадцатого до Глебовска докатилась новость: царь отрекся от престола. Было непонятно, как жить дальше без царя. На улицах появились какие-то странные люди с красными бантами. Шли постоянные стычки между ними и черносотенцами, которые призывали избрать нового царя.

Лаврентий Фирсович постоянно что-то считал, а в промежутках становился на колени перед большим домашним иконостасом и неистово молился. Несмотря на то что в воскресенье все глебовцы традиционно собирались в церкви, а после службы гуляли по набережной Сосны, в воздухе витала какая-то тревога.

Естественно, семнадцатилетние девицы были влюблены. Сложность заключалось в том, что предметом их внимания был один молодой подпоручик, с которым они познакомились, когда посещали госпиталь, где он лечился после ранения. Их поразили его улыбка и задушевные песни, которые он исполнял под гитару.

Когда офицер пошел на поправку, он с удовольствием гулял вместе с Машей и Дашей по городку. Вечером девицы вместе восхищались Михаилом, в то же самое время доказывая друг другу, что совершенно не влюблены в него.

Царя уже не было, а война продолжалась, и новые раненые прибывали на пароходах в Глебовск.

Переворот, который совершили большевики в Петрограде, не сразу повлиял на размеренную жизнь уездного городка. Город продолжал жить обычной жизнью. Только через несколько недель, уже в конце ноября 1917 года, над зданием уездной управы начал развеяться никому не знакомый красный флаг. И в Глебовске появилась новая власть, которая стала непривычно называться «Советы».

Лаврентий Фирсович ходил по дому мрачнее тучи и повторял: «Все погибнет, не останется у нас ни кола ни двора...»

Даша и Маша продолжали посещать госпиталь и встречаться с почти выздоровевшим подпоручиком.

Однажды, когда уже ложились спать, Маша придвинулась к сестре и таинственно зашептала: «Мы сегодня ночью с Мишей на фронт уезжаем.

Будем в его часть прорываться. Я буду сестрой милосердия. Я так его люблю, так люблю...»

Дарья вздрогнула и отдвинулась от сестры. Все рушилось. Ей всегда казалось, что именно ей отдает предпочтение молодой офицер. Как он мог, почему он выбрал Машу?

Сестра, как будто читая мысли Даши, прижалась к ней, как нашкодивший щенок.

Даша спокойно отодвинула от себя сестру и тихо сказала: «Бог тебе судья, пусть у тебя все будет хорошо...»

Всю ночь она не спала. В середине ночи она услышала, как Маша встала с постели и стала потихоньку собираться. Она подошла к Дашиному ложу и тихо сказала: «Папеньке и маменьке передай, что я их очень люблю, пусть простят меня, если смогут».

Даша притянула к себе сестру, обняла ее и молча поцеловала.

Утром разразилась домашняя буря. Прочитав записку Маши, родители сделались неузнаваемыми. Маменька причитала и плакала. Отец взял из узорного буфета штоф водки, отлил себе из него стакан и, выпив, присовокупив крепкое словцо, буркнул, грозно взглянув на жену: «Это ты таких шалав воспитала. Сама шалава и дочери стали шалавами!»

Даша боялась выйти из своей комнаты. Как только представился случай, выбежала на улицу и отправилась бродить по осенним улицам Глебовска.

Она любила осень, яркую пестроту деревьев, шуршание листы под ногами и даже осеннюю прохладу, сменяющую летнюю жару. На улицах Глебовска появилось множество плакатов, на которых были изображены рабочие, выметающие метлой буржуев, крестьяне, пахущие землю. На плакатах и рабочие и крестьяне призывали отдать им власть, фабрики и землю.

По улице шёл отряд то ли военных, то ли гражданских людей. Они были одеты в обыкновенную одежду горожан, но их отличали красные банты, которые яркими пятнами выделялись на груди. Одежда была перетянута кожаными ремнями как у военных, и у каждого второго было разнокалиберное оружие. Отряд старался идти строем, но строй постоянно сбивался и отряд превращался в уличную компанию.

Даша пошла за отрядом, который остановился у здания гимназии. Оттуда раздавались крики толпы. Молодой человек с красной повязкой неожиданно спросил Дашу: «Товарищ, ты на собрание?»

Даша, удивляясь самой себе, утвердительно кивнула головой. Домой ей не хотелось. Ей очень хотелось узнать, чем занимаются эти люди в здании её родной гимназии.

На трибуне стоял её знакомый Семен Снегирев, который говорил непонятные слова о бремени капитала, об эксплуатации людей и пролетарской революции, во главе которой замечательные люди - Ленин и Троцкий. Особенно восторженно он отзывался о Троцком, который, по его мнению, был настоящим борцом революции.

Несмотря на то что Даше многое было непонятно, ей стало нравиться среди этих задорных людей, от которых веяло чем-то новым и совершенно отличающимся от той обыденной жизни, которой она привыкла жить.

Снегирев после завершения собрания подошел к Даше и сказал: «Я очень рад, что ты пришла. Здесь рождается новая эпоха. Приходи еще. Думаю, ты будешь с нами».

Прошло несколько дней. Даша каждый день приходила в гимназию, где непрерывно шли митинги и собрания. Она постепенно стала частью этого влекущего бурлящего потока. Ей все больше нравился Семен Снегирев: строгий, подтянутый, с горящими глазами, напоминающий ей итальянского революционера Гарибальди, смелостью которого она всегда восхищалась.

Однажды Семен на очередном митинге произнес зажигательную речь, призывая всех стать на защиту пролетарской революции. Он сказал, что в Глебовске формируется бронепоезд, который через неделю должен уйти на фронт для защиты революции от белогвардейцев. С большой гордостью он объявил, что Реввоенсовет назначил его комиссаром этого бронепоезда.

Дашу раздирали противоречия. Ей очень хотелось уехать вместе со Снегиревым на фронт, она уже предвкушала необычайные приключения и новые ощущения. В то же время жалко было маменьку и папеньку, которые останутся в смутное время совсем одни. Долго бродила она по берегу Сосны, которая покрывалась тонким ледком. Подо льдом появлялись и пропадали какие-то тени. Казалось, это рыбы пытаются вырваться на свободу из ледяной тюрьмы.

Вернувшись домой, она застала хмурого отца, который уже успел приложиться к штофу «беленькой» и плачущую маменьку, которая никак не могла успокоиться после бегства Маши. Вдруг тягостно стало на душе, и она поняла, что надо вырваться из семейного гнезда на волю. Ей казалось, что свобода даст ей наслаждение в познании новой загадочной жизни, полной опасностей и приключений.

Утром она встала рано, собралась в дорогу. В гостиной Лаврентий Фирсович сидел под иконами и пил чай.

- Папенька, прости меня, - произнесла с трудом Даша, - но я уезжаю. Лаврентий посмотрел на Дашу взглядом человека, у которого отнимают последний кусок пищи. Даша ожидала, что он начнет ругаться, уговаривать. Но отец укоризненно посмотрел на дочь и произнес: «Уходи куда хочешь, но нет на это моего благословения...» После этого, повернувшись к иконам, Лаврентий, тяжело поднимая руку, перекрестился.

Даша поцеловала маменьку, которая, как всегда крадучись, вошла в гостиную, и быстро выбежала из дома.

На улице было мало прохожих. Только дворники лениво поглаживали метлами улицу. У гимназии уже собрались те, которых уговорил идти на войну Семен Снегирев. У большинства молодых людей были строгие встревоженные лица. А в глазах отражалась их решимость, позволившая им принять важное решение.

Война есть война. Это смерть и кровь, грязь и мучения. Это жестокость и ненависть. Но гражданская война - это еще и война с теми врагами, которые недавно считались родными и друзьями. Это война одной части единого народа с другой его частью. Поэтому если война безнравственна по сути, то гражданская война безнравственна вдвойне.

Даша оказалась в самой гуще событий, став помощником комиссара бронепоезда. Кровь лилась рекой. Она увидела множество трупов белых офицеров, на ее глазах погибали её товарищи. Снегирев был не только её начальником, наставником. Как-то само собой случилось, что они стали любовниками.

Даша непосредственно в боях не участвовала, несмотря на то что на поясе у нее постоянно болтался большой наган. Начитавшись марксистской литературы, она проводила политзанятия с бойцами бронепоезда, выпускала стенную газету, сочиняла агитационные листки.

Однажды бронепоезд ворвался на небольшую станцию, расстреляв из пулемета отряд белых. Даша собралась идти в поселок для организации работы с местным населением. Вдруг она услышала выстрелы, раздававшиеся от хвоста бронепоезда. Подойдя ближе, увидела, что красноармейцы во главе со Снегиревым расстреливали захваченных в плен врагов революции. Среди расстрелянных были двое мужчин и одна женщина. Даша вздрогнула от ужаса. Она увидела открытые глаза родной сестры. В глазах отражался испуг последних секунд её жизни. Рядом

лежало тело Михаила. Она бросилась к ним, медленно опустилась на колени и горько зарыдала.

Снегирев, стоявший рядом, все понял. «Это твоя сестра?» – спросил он удивленно, понимая бессмысленность вопроса.

Даша молча кивнула головой. Когда тела были погребены, она вернулась в поезд, собрала вещи, написала записку Снегиреву, придавила её наганом и ушла.

Вернувшись в Глебовск, она не застала в живых отца. В одной из комнат разграбленной квартиры жила маменька. Увидев Дашу, она кинулась на неё, вцепилась в волосы и закричала: «Изыди, дьявольское отродье, ты во всем виновата!»

Даша выбежала из дома. Она не знала, куда идти. Глебовск сильно изменился, в городке царило запустение, везде чувствовалась разруха. На заборах и афишных тумбах было наклеено множество ярких плакатов, призывавших защитить революцию.

На могиле отца стоял деревянный крест. Даша обняла его и горько заплакала. Жить не хотелось. Все было плохо.

Ей хотелось забыть весь ужас произошедшего с ней. На пристани протяжно загудел пароход. «В дорогу, в дорогу, всё равно куда», – подумала Даша и направилась к пристани.

Настоящий артист

Старый Мендель, несмотря на свою явно не почитаемую в России национальность, сумел дать своим сыновьям приличное образование. Исаак и Зиновий учились в гимназии. А что такое для еврея учиться в гимназии? Во-первых, надо быть умным и хорошо заниматься. А во-вторых, за это надо платить. Каждый год Мендель брал две штуки сукна из своей лавки и нес их директору. Тот благосклонно принимал подарки и включал детей Менделя в список евреев, который соответствовал проценту, разрешающему детям данной национальности получать соответствующее образование.

Но не сидится спокойно еврейской молодежи, тянет ее в революционные кружки. Завелись такие и в Житодаре. Старший Исаак первым пришел к бундовцам. А младшего Зиновия заманили к себе большевики. И когда они захватили власть, он ушел на фронт вместе с кавалерийским полком. Старший все-таки оказался мудрее и, бросив все свои революционные дела, стал активно помогать отцу в портняжном деле.

Заливая землю кровью, убивая и разоряя, катилась по российской земле гражданская война, пахнувшая гарью и потом.

Грамотность Зиновия сразу заметил комиссар полка и взял его в помощники. Зюня с удовольствием выпускал полковую газету, организовывал концерты и сам в них участвовал. Больше всего он любил разыгрывать вместе с бойцами разные сценки, изображать своих товарищей по полку, что вызывало бурный восторг и безудержный смех. Вместе с ним в концертах участвовали многие его однополчане. Вернувшись с боевых позиций, они старательно занимались в драматическом кружке вместе с Зиновием. Самой талантливой была медсестра Галя. Галя прекрасно пела и танцевала. Она была жгучей брюнеткой, немного напоминала цыганку. Необыкновенно красивая, она очень нравилась Зиновию, иногда ему казалось, что он влюблен в нее. Сразу отгонял он эту мысль, так как всегда стеснялся маленького роста и своего носа, который подчеркивал его национальную принадлежность.

«Артист!» - то ли с презрением, то ли с восхищением называл его командир полка, бывший рабочий Путиловского завода.

Всему бывает начало, но и всему приходит конец. Подходила к концу страшная братоубийственная война. В самом конце войны пришел приказ от самого товарища Троцкого. В нем предлагалось отобрать грамотных бойцов и направить учиться на инженеров в Петроград. Таким образом Зиновий оказался в столице.

Прощаясь с Галей, Зюня неуклюже нагнулся и поцеловал ее в щеку. Галя отвернулась, но нетрудно было заметить, как покраснели ее глаза.

- Мы обязательно увидимся, - неуверенно сказал Зиновий и, быстро повернувшись, побежал к вагону.

Петроград встретил его холодным дождем. Весь промокший, в галифе и буденовке Зюня добрался до общежития Высших инженерных курсов, куда его направил командир полка.

Его поселили в большой комнате, где размещались еще десять человек. Посередине комнаты стоял квадратный стол, над которым возвышался громадный чайник, от него приятно тянуло теплом и уютом. Жильцы комнаты мало чем отличались от Зиновия. В основном они пришли на курсы с фронтов гражданской войны. Но были и такие, кто был прислан комсомольскими ячейками заводов и фабрик. Всех объединяло одно желание – учиться и стать красными инженерами.

Сначала Зюне было интересно учиться. Он решал самые трудные задачи и помогал своим новым товарищам осваивать непонятные для них истины. Несмотря на то что Зиновий любил учиться, интерес к инженерному делу у него сильно не проявлялся.

С первых минут учебы он включился в бурную комсомольскую жизнь. Вспомнив свое «артистическое» прошлое в кавалерийском полку, он создал бригаду синеглазиков. Сам сочинял и ставил различные сатирические сценки. Скоро эта агитбригада стала очень популярной в Петрограде.

Кроме того, он стремился посещать все концерты и театры. Перед посещением спектаклей до блеска начищал свои сапоги, пытался привести

в порядок потертую гимнастерку галифе и красную звезду буденовку. Другой одежды у него так и не появилась.

А на улицы Петрограда стал стремительно врываться НЭП. Появились частные лавки и магазины, различные мастерские. Многие жители стали лучше одеваться и стремились наслаждаться жизнью.

Однажды осенью, когда уже начали порхать первые снежинки, Зиновий вышел пройтись по Невскому. Вдруг его окликнула молодая девушка. С трудом он узнал в красавице, одетой по последней моде, Галину. Он почувствовал себя неуютно, потому что стоял перед ней все в тех же кавалерийских галифе и буденовке.

- Зюня, Зюня, как я рада видеть тебя! Ты мне так нужен. Пыталась искать тебя, но никак не могла найти. Как здорово, что мы встретились!

У Зиновия от волнения и радости перехватило горло. Он неожиданно для себя второй раз в жизни поцеловал своего друга.

- Пойдем поговорим, - предложила Галя. - Мой брат открыл небольшой ресторанчик, там очень уютно.

- Галя, но я комсомолец, как можно... в ресторан?

- Ты отстал от жизни, сейчас же НЭП, сейчас всем можно. К тому же я пою в этом ресторанчике.

Зиновий растерялся. С одной стороны, ему очень хотелось побывать в настоящем ресторане, с другой - он представлял, что могут ему сказать товарищи по комсомольской ячейке, увидев его входящим в столь сомнительное заведение.

- Ну, пойдем же, - ласково попросила его Галина.

- Пойдем, - неуверенно произнес Зюня.

В ресторане бурлила совершенно иная жизнь. За столами веселились разодетые люди. Многие из них уже были достаточно сильно пьяны, несмотря на то, что на столах отсутствовали бутылки.

- За что мы сражались? - подумал Зюня. - Ведь опять капитал банкует.

Он еще больше почувствовал себя чужим среди жирующего народа.

- Сядем за тот столик, - сказала Галя, выбрав место в самом углу за большой раскидистой пальмой.

К ним тут же подбежал половой и приветливо кивнул Галине.

- Что будем есть? - спросила она Зюню.

Все время учебы Зиновий всегда хотел есть. Паек, который ему давали как слушателю курсов, лишь на короткое время заглушал голод. Несмотря на непреодолимое желание съесть как можно больше, он скромно ответил:

- Закажи, что сама любишь. Только у меня нет денег.

- А денег и не надо. Во-первых, я тебя пригласила, во-вторых, как певица и сестра хозяина я имею право угостить моего дорогого гостя.

Галя долго рассказывала о себе, о том, как, вернувшись с фронта, работала медсестрой в госпитале, потом встретила брата, который приехал

из Одессы и торговал сначала на рынке украинским салом, а потом, воспользовавшись НЭПом, решил открыть ресторан.

- А как же борьба с капиталом, против которого мы сражались? - прервал ее рассказ Зиновий.

- Борьба борьбой, а жизнь жизнью. Не я придумала НЭП, а Ленин. Значит, это нужно революции.

В это время Галю позвали. На маленькой сцене заиграл оркестр и конферансье объявил: «А теперь романс Алябьева «Вечерний звон» исполнит наша ненаглядная Галина Василькова». Галина пела прекрасно: и голосом и душой.

Когда зазвучали слова «И скольких нет теперь в живых тогда веселых, молодых!..», он вспомнил своих погибших товарищей, тех, кто отдал свою жизнь за революцию. В голове была какая-то неразбериха.

Но прекрасное пение завораживало. И он понял то, в чем не хотел себе признаться еще на фронте: он влюблен в Галину.

Когда пение завершилось, весь ресторан взорвался аплодисментами. Галя пела и другие романсы. Потом, усталая, села за столик и ласково улыбнулась Зиновию.

- Тебе понравилось? - спросила она у него.

- Очень понравилось. Это прекрасно, ты талант. Ты самая замечательная.

И вдруг вырвалось:

- Я люблю тебя.

- Что-то на фронте я этого не замечала, товарищ боец Красной Армии, несмотря на то, что я там тоже пела.

- Прости меня, но я тебя просто стеснялся, ведь ты очень красивая..., а я ведь не такой.

- Ты еще не знаешь, кто ты! Ты - настоящий талант. Я помню, как ты замечательно играл в разных сценках, никто так не сможет.

Она встала, подошла сзади, обняла Зиновия и, нагнувшись, шепотом на ухо сказала:

- И я тебя люблю и всегда любила.

И поцеловала его.

Душа Зиновия пела от счастья. Он хотел многое сказать, но, как всегда, не мог подобрать нужных слов.

Галя, вдруг посерьезнев, сказала:

- Искала я тебя не только за этим. Мой брат решил создать театр-варьете. Ему нужны артисты. Я вспомнила о тебе. Пойдем в его кабинет, он ждет нас.

Леонид, так звали брата Галины, был старше ее лет на десять. Он был очень полным и абсолютно лысым.

- Привет, - сказал он, - мне Галина все уши прожужжала.

Он еле вылез из-за большого стола.

- Решили мы с компаньоном театр частный открыть, вот вы с Галиной и беритесь.

- А как же инженерные курсы? - неуверенно спросил Зиновий.

- Курсы! Какие курсы? А, - как бы вспоминая, произнес Галин брат, - ну ты, брат, выбирай, кем быть - инженером или артистом.

- Конечно же, артистом, - чуть не вскрикнул Зиновий.

- Ну и действуй, - сказал Леонид, - только негоже артисту в такой одежде ходить. Галя, возьми денег и одень своего молодца с иголки.

Когда он сказал в комсомольской ячейке, что уходит работать в нэпмановский театр, возмущению, казалось, не будет конца. Но, учитывая, его боевые заслуги, его не исключили из комсомола, однако предупредили, что руководство бригадой синемлузников остается за ним.

Прошел месяц, самый прекрасный месяц в жизни Зиновия. Впервые, у него появилась Галина, с которой они стали жить вместе, во вторых, они писали сценарий, репетировали, и вот наступил день премьеры.

Брат Галины пригласил на премьеру всех своих друзей, а также известных поэтов и актеров. Говорили даже, что придет сам Маяковский.

Зюня пригласил своих синемлузников.

Клуб, где должна была состояться премьера представления, украшала громадная афиша с портретами Галины и Зиновия.

Зиновий пришел в клуб за два часа до представления. И вдруг он увидел, что афишу внимательно рассматривает человек, очень похожий на его брата.

- Исаак! - воскликнул Зиновий. - Это ты? Какими судьбами?

- Что б я так жил! Наконец вижу моего брата. Отец послал меня в Петроград за мануфактурой и сказал, чтобы я нашел тебя. Как хорошо, что все-таки встретились, я очень рад!

Братья обнялись и замолчали. Помолчав, Исаак удивленно произнес:

- Ты же писал, что на инженера учишься, а я вижу ты артист.

- Учился, учился, а теперь артист. Пойдем, посмотришь представление.

Зал был полон. Зиновий очень волновался. Он выступал много раз в различных концертах, но никогда в профессиональном театре.

Зазвучал оркестр, и представление началось. Исполнялся настоящий североамериканский джаз. Галина пела так, что после каждой песни зал рукоплескал. Зиновий был и ведущим, и куплетистом, и пародистом, и каждое его выступление так же завершалось аплодисментами.

После представления его окружили синемлузники. Кто-то крикнул: «Качать товарища артиста!» Его подбросили вверх, а потом бережно поставили на землю.

Леонид пригласил в ресторан всю труппу и, конечно же, Исаака.

Когда уже поздно вечером Зиновий, Галина и Исаак приехали в ее маленькую квартиру на Васильевском, Исаак сказал:

- В нашей семье все были нормальные портные, но ты, Зиновий, какой-то ненормальный, в артисты пошел. Но артист ты настоящий.

- Настоящий артист, - подтвердила Галина и поцеловала Зюню.

Агент

Федя прочитал все приключенческие книги, которые он сумел заполучить в библиотеке. Он примеривал на себя роли героев этих книг. Федору часто снился сон, в котором он тайно проникал в стан врагов революции и доставал очень важные для Красной Армии сведения. Когда он просыпался, то еще долго представлял себя героем-разведчиком.

В армию Федю служить не взяли, он с детства прихрамывал, говорили, что родовая травма. Дядя научил его хорошо играть на баяне, что позволило ему устроиться на работу баянистом в Дом учителя. Он всегда был душой компании: играл на свадьбах, юбилеях, утренниках и вечерах. И поэтому его знали многие шкрабы - так сокращенно называли школьных работников.

Однажды его вызвали в горно, и начальник отдела кадров сказал: «Федор Иванович, тут с вами хотят побеседовать». Он вышел из кабинета и оставил его наедине с молодым человеком, который представился Николаем, работником НКВД. Чекист был небольшого роста, одет в обыкновенную куртку и имел какое-то совсем не запоминающееся лицо.

Николай дружелюбно улыбнулся и начал расспрашивать Федю о его жизни. Феде было немного страшно и в то же время очень интересно. Он много слышал о чекистах. Он знал, что на страже революции стоят сильные и смелые люди, готовые отдать свою жизнь за дело коммунизма. Профессия чекиста для Феде была окутана ореолом романтики и тайны.

Сердце щемило от волнения. Он пытался догадаться, зачем же он понадобился такой серьезной организации, как НКВД. Как бы почувствовав это волнение, Николай сказал:

- Знаю, что ты, Федя, - настоящий комсомолец, преданный делу коммунизма, и поэтому мы решили обратиться к тебе с просьбой. Ты ведь знаешь, что говорит Иосиф Виссарионович Сталин об усилении классовой борьбы. Враги революции не разоружаются, и их становится все больше и больше. Ты, как настоящий комсомолец, должен помочь нам их разоблачать. Нам нужны разведчики, которые могут собрать важные сведения о тех, кто против наших идей, против революции, против товарища Сталина и других наших вождей.

Федя сначала растерялся, а потом вдруг спросил:

- А это опасно?

- Конечно, опасно, - ответил Николай, - но ты не бойся, мы все делаем для своих людей, чтобы отвести от них беду. Ну и как, ты согласен?

Федя понял, что сбылась его мечта, и теперь его жизнь будет полна приключений. Он представил, как выполняет тайные задания и разоблачает тех самых врагов, буржуазных прихвостней, которых видел на плакатах. Он спросил:

- Вы меня будете засылать к врагам?

Николай улыбнулся.

- Зачем куда-то засылать, враги рядом с нами, их только надо выявить.

Так, написав расписку о сотрудничестве и сохранении государственной тайны, Федор Хохлов стал агентом НКВД.

Николай инструктировал и направлял деятельность молодого агента. Требовал сообщать ему как можно больше о том, что говорят его товарищи, педагоги, посещающие Дом учителя, знакомые музыканты и вообще все, с кем Федя общался.

Федя старался быть настоящим разведчиком. Теперь в каждом своем знакомом он подозревал врага народа и внимательно прислушивался к его высказываниям. А потом писал донесения Николаю о том, кто и что говорил о Советской власти, о руководителях страны, о своем отношении к капиталистическим странам.

Когда прошел первый месяц их тайной деятельности, Николай принес какой-то сверток и передал его Федору.

- Это тебе за хорошую работу, тут продукты. Таких в магазине не купишь. Только распишись в получении.

Федя стал отказываться, но отказы не принимались. Если Федя не приносил Николаю интересных сообщений, тот его журил и иногда говорил то ли в шутку, то ли всерьез:

- Будешь скрывать от нас, что говорят враги, сам можешь во врага превратиться.

Вскоре он узнал, что нескольких человек, на которых он писал доносы, арестовали. Об этом шепотом говорили все вокруг.

Федор стал чувствовать себя неуютно. Он испытывал не то что б угрызения совести, а некоторую вину перед близкими тех, аресту которых он способствовал.

Как-то он сказал об этом своему наставнику из НКВД. Тот сурово посмотрел на Федора и сказал:

- Борьба с врагами - дело суровое, и нечего нюни распускать, как гнилому интеллигенту.

Федя впервые услышал в голосе Николая злость. Это было совсем не похоже на вкрадчивые разговоры о жизни, которые тот вел с ним до этой поры. Он почувствовал и то, что теперь его жизнь полностью зависит от этого человека и обратной дороги уже нет.

Федору нравилась молодая учительница Света Соловьева, которая занималась в хоровом кружке Дома учителя. Света была словно нежный весенний цветок - так про себя ее называл Федя. Когда он аккомпанировал хору, то иногда бросал ласковый взгляд на эту девушку с двумя маленькими косичками.

Иногда он ловил в ответ добрый взгляд ее голубых глаз. Однажды после концерта он подошел к Свете и подарил маленький букетик подснежников. В ответ услышал:

- А ты, Федя, романтик. Наверное, и стихи любишь. Может, и пишешь?

Федя отрицательно покачал головой. Он никому не показывал своих рифмованных строчек. Не хотел, чтобы кто-то посмеялся над его творениями.

Света вдруг сказала:

- Приходи вечером ко мне домой. У меня ребята соберутся и будут читать стихи.

Федя обрадовано вздохнул и, записав адрес, пообещал обязательно прийти.

Света жила на самой окраине Славска в небольшом доме вместе с родителями и младшей сестрой. Когда Федор пришел в дом, он увидел на столе большой самовар и большие куски наколотога сахара. За столом сидели шесть молодых людей. Все они были знакомы друг с другом. Света представила:

- А это Федя из Дома учителя, он тоже интересуется поэзией.

Один из молодых людей, чернявый, со спортивной выправкой, сказал:

- Ну что же, нашего полку прибыло. Смелее, парень, давай вливайся в поэтическую банду.

Вечер для него был открытием нового. Молодые дарования читали не только свои стихи. Он услышал новые стихи и имена поэтов, о которых раньше никогда не слышал.

Завораживали строчки неизвестного Феде поэта Есенина: «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым...»

Вдруг Света перешла на шепот и спросила:

- Хотите, прочитаю вам запрещенные стихи Осипа Мандельштама?

В комнате повисла пауза, и все почему-то посмотрели на Федю. Он пожал плечами и сказал:

- А почему бы и не послушать?

И из уст Светы полились ужасные слова, которые наставник Федора назвал бы «белогвардейской провокацией».

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там помянут кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища...

Спазм сдавил горло Федора. Он по-настоящему испугался. Ему хотелось заткнуть уши, вырваться из комнаты и бежать куда глаза глядят. Когда Света закончила читать, все стали расходиться. Федя собрался и вышел из дома одним из первых.

В эту ночь он не сомкнул глаз. Он не знал, как поступить. Как агент НКВД и настоящий комсомолец, он должен был обо всем рассказать Николаю. Но он понимал, что после этого никогда не увидит ни Светы, ни ее друзей. Было гадко и противно. Он вспомнил историю Иисуса и Иуды.

«А вдруг Света и ее друзья правы? - подумал он. - И действительно Сталин такой, каким его описал Мандельштам? И вдруг правы те, о которых Федя доносил, а не те, кто носит погоны НКВД? Кто же тогда он сам? Не защитник революции, а Иуда, предающий честных и порядочных людей!»

От таких мыслей Феде стало еще тоскливее. Он выпивал редко, а тут налил себе стакан водки и залпом, без закуски выпил. Но от этого ему не стало легче.

Через два дня позвонил Николай и потребовал срочной встречи. Федя хотел притвориться больным и не ходить на встречу, но понимал, что она обязательно состоится. Он шел на встречу с твердым желанием никого не выдавать. Как всегда, они встретились на конспиративной квартире.

Федору показалось, что Николай как-то странно улыбается, пристально и подозрительно поглядывая на него.

- Ну, что нового скажешь, разведчик? - спросил чекист. - Каких врагов разоблачил?

- Ничего особенного, был в компании, стихи читали, - ответил Федя сдавленным голосом.

- Стихи, говоришь? Понравились тебе эти стихи?

- Стихи как стихи, ничего особенного.

Вдруг Николай побагровел и неожиданно закричал на Федю:

- Ты что дурачка из себя изображаешь? Думаешь, самый умный? Знаю, какие стихи там читали! А если мне не говоришь правды, значит, ты враг!

Федя понял, в какую историю он влип, но попытался выкрутиться.

- В поэзии не очень понимаю, может, что и не так...

- А в заговоре против вождя ты понимаешь? - снова закричал Николай. - Садись и пиши правду, иначе в тюрьму сядешь.

- Не знаю, что и писать, - неуверенно сказал Федя.

- Не знаешь, не пиши, мы и так все знаем: как твоя подруга вражеские стихи читала, а ты там был и поддакивал.

- Я не поддакивал, - вырвалось у Феде.

- Вот видишь, про стихи ты уже не отрицаешь, и это хорошо. Иди и подумай: ты с нами или против нас. А того, кто против нас, мы беспощадно уничтожаем.

Федя медленно поднялся и вышел на улицу. Николай даже не сказал ему «до свидания».

На улице бурлила настоящая весна. Яркое солнце улыбалось людям и ласково пригревало. Вороны нагло растаскивали по освободившимся от снега тротуарам прошлогодний мусор.

Федор зашел в забегаловку, которая в народе называлась почему-то «Голубым Дунаем», и рюмка за рюмкой выпил больше бутылки водки.

Выйдя из забегаловки, медленно поплелся домой. Остановился на мосту через большую реку, на берегу которой стоял Славск. Перегнувшись через перила, увидел, как под мостом появились большая полынья. Он долго глядел на воду, в которой отражались плывущие по небу облака. Их отражения, причудливо извиваясь в воде, создавали различные фигуры: то колеблющегося под порывами волн парусника, то скачущей белой лошади, то оскала какого-то невиданного зверя. И вдруг в воде Федор увидел разгневанное лицо Николая. И снова всплыл в памяти его крик: «Значит ты враг, враг, враг!»

Федор еще больше перегнулся через перила и увидел в полынье ангела. У него было спокойное и доброе лицо. Ангел ласково улыбался и манил к себе Федю.

- Простите меня, люди, прости, Света, - шепотом произнес Федя и полетел навстречу поднимающемуся из воды ангелу.

Доченька

Страшная, разрушительная, уничтожившая и продолжавшая уничтожать миллионы людей война откатывалась к довоенной границе, и надежда на близкую победу ощущалась все сильнее. Война разрушила

семьи, отняла близких людей, разбросала матерей и детей, жен и мужей по всей необъятной стране.

Почти каждую ночь Ольге снился один и тот же сон: луг, усеянный необыкновенными полевыми цветами, по которому к ней бежит маленькая девочка и кричит: «Мама, мама, заведи меня к себе...». Вдруг между мамой и девочкой пролетел снаряд и быстро поднимался столб дыма. Ольга просыпалась и заливалась слезами. Ей очень хотелось взять на руки свою Марленочку и целовать ее бесконечно. Но ее рядом не было, и бедная мать не знала, где ее дочь. А расстались они с ней, когда еще не началась война.

Вахтанг, муж Ольги, майор Красной Армии, служил командиром батальона в воинской части, расквартированной в Урске, а Ольга перед самым рождением дочери была избрана народным судьей одного из районов этого города. Супруги, убежденные коммунисты, верящие в идею всеобщего счастья и справедливости, решили назвать дочь Марленой. Это имя соединяло в себе фамилию и псевдоним главных творцов коммунизма Маркса и Ленина.

В начале июня 1941 года Марлену отвезли к двоюродной бабушке Нине в Кременчуг и оставили девочку на лето у нее. У бабушки Нине были сад, корова, и дом ее находился на самом берегу Днепра. Ольга долго колебалась, ведь Марлене было только два года. Но бабушка Нина души не чаяла в девочке, и та отвечала ей взаимностью. Вахтанг уезжал на учения в летние лагеря, и ему разрешили взять с собой Ольгу, у которой намечался отпуск. Поэтому решение было принято, и девочка на лето осталась в Кременчуге.

Ничто не предвещало войны. С Германией был подписан пакт о ненападении, а газеты и радио постоянно разъясняли, что война сейчас невозможна. И хотя военные шепотом говорили о том, что нельзя доверять Гитлеру, люди, не желая войны, верили в лучшее.

Война ворвалась в их жизнь неожиданно. Казалось, что немцев должны остановить и отбросить от границ Советского Союза, как это показывали в фильме «Если завтра война» и как пелось в песне: «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом».

Но война пошла по другому сценарию. Вражеские войска стремительно продвигались вперед. Полк, где служил Вахтанг, был поднят по тревоге и направлен в Смоленск. Вместе с Вахтангом на фронт поехала Ольга. Она хотела в минуты опасности быть с любимым мужем.

Передовая линия фронта ей представлялась совсем иной, отличной от того, что она увидела. Навстречу движущимся к фронту войскам

беспорядочно шли раненые и изможденные бойцы, выбирающиеся из окружения. Батальон Вахтанга передали в распоряжение контрразведки. Он должен был останавливать и задерживать всех тех, кто выходит из окружения, и передавать для допросов чекистам. Вахтангу не нравилось это задание, но, как военный человек, он обязан был его выполнять.

Батальон расквартировали в районном центре Дорогобуже. Ольга с Вахтангом поселились в небольшом доме на окраине городка. Всю ночь муж уговаривал жену уехать в тыл. Но Ольга твердо решила до конца быть с мужем.

Утром майор на повозке поехал в батальон, а Ольга задержалась дома. Орудийная канонада становилась все сильнее и сильнее. Сердце Ольги сжималось - ее охватывала понятная тревога. Вчера она узнала, что немцы оккупировали Кременчуг. Она понимала, в какой опасности находится ее дочь. Выглянула в окно. В небе густо летели немецкие самолеты. «Где же наши соколы?» - подумала Ольга.

Она собралась и направилась в батальон. Пройдя несколько метров, увидела несущуюся навстречу ей повозку, в которой что-то кричал и размахивал руками Вахтанг. Вдруг раздался свист, за которым последовал оглушительный взрыв. Повозка взлетела на воздух. Когда она подбежала к мужу, он был еще жив.

- Уезжай, - прошептал он, - уезжай, спаси дочку...

Он умер у нее на руках.

Уже через неделю она была в Москве. В управлении кадров ей предложили остаться работать в аппарате Наркомата юстиции.

Оказалось, что ее сестра Марина тоже в Москве, работает в Центральном банке. Вместе они поселились в небольшой комнате общежития строительного техникума. Первую ночь после встречи проговорили и проплакали до утра, рассказывая друг другу о своих военных злоключениях и гибели близких людей.

Марина рассказала, как ей пришлось вывозить все деньги Урской областной конторы банка, как возница чуть не завез ее к немцам. Как помогли доставить деньги на маленькую станцию Грушевая, и она сдала их под расписку в специальный поезд, который разбомбили через час немецкие самолеты.

Вместе они пытались придумать, как спасти Марлену. Они понимали, в какой опасности находится дочь командира Красной Армии на оккупированной фашистами территории. Но планы, которые они придумывали, были несбыточными.

Каждый день они ждали нашего наступления, слушая строгий голос Юрия Левитана, который сообщал о том, какие населенные пункты оставили наши войска. И как было радостно, когда Левитан стал регулярно объявлять об освобождении городов и поселков.

Хотелось верить в победу. Но было непонятно, почему же война стала таким ужасом для нашего народа, почему славная Красная Армия потерпела множество поражений. Один вопрос беспокоил всех - когда же кончится война?

В эту ночь Ольга снова увидела тот же сон. По лугу к ней бежала Марлена и протягивала руки. Ольга изо всех сил тянулась к дочке. Не было ни взрыва, ни дыма. Она проснулась и включила радио - черную бумажную тарелку, которая была в войну главным источником новостей. Левитан объявил: «29 сентября 1943 года войска Степного фронта под командованием маршала Конева освободили Кременчуг от фашистских захватчиков».

В душе появились и радость и тревога. Придя на работу, она пошла к начальнику отдела и рассказала ему о своей беде. Старый юрист Сергей Иванович, написавший половину проектов законов Советской России, был очень авторитетным человеком во всех властных структурах. Пожилой щупленький человек, с маленькой бородкой, он говорил, всегда прищурив глаза и как бы внимательно изучая собеседника. Посочувствовав Ольге, он сказал: «В Кременчуг ехать рано, свяжусь с госбезопасностью, пусть помогут, поищут вашу дочь».

Уже через два дня из НКГБ пришло неутешительное известие. В период оккупации бабушка Нино умерла, а Марлену увезли какие-то соседи, предположительно в Черновцы, которые еще оккупированы румынами.

Время стало тянуться необыкновенно долго. Каждый день, вслушиваясь в сводки Совинформбюро, она ждала, когда же освободят Черновцы. Наступила холодная и голодная зима 1943-1944 года. Наши наступали, дрались за каждый метр земли, за каждую реку и речку. Еще осенью, потеряв много бойцов, Красная Армия форсировала Днепр и стала освобождать правобережную Украину. И наконец, сестры услышали долгожданное сообщение: 29 марта 1944 года были освобождены Черновцы. В этот же день она попала на прием к Сергею Ивановичу. Он успокоил ее и сказал: «Поездка туда опасна, там много бандеровцев, но вашу дочь чекисты найдут, если...». Он сделал паузу и продолжил: «Но не будем думать об этом, будем верить в лучшее».

Слезы подступили к глазам Ольги, но она сдержалась.

Теперь каждый час был для Ольги часом тревожного ожидания. Прошло две недели. Каждый день, проходя мимо кабинета Сергея Ивановича, она задерживала шаг. Разумом она понимала, что как только что-то будет известно о дочери, ей сообщат незамедлительно. Но ей очень хотелось зайти к начальнику и поторопить его с новостями.

Телефон на ее столе зазвонил в девятом часу вечера, когда она уже собиралась уходить с работы. Звонивший представился майором госбезопасности и учеником Сергея Ивановича. Он сказал, что есть информация о девочке, которая находится в Черновцах и очень похожа, что эта девочка - Марлена. В два часа ночи в Черновцы полетит военный самолет с чекистами, можно вылететь вместе с ними. При этом добавил, что с Сергеем Ивановичем это согласовано.

В полночь за ней заехала машина и повезла на подмосковный военный аэродром. В самолете все дремали, но Ольга не могла сомкнуть глаз. Сердце ее колотилось как отбойный молоток.

Самолет сел на какой-то аэродром в лесу. У всех тщательно проверили документы. Старший группы подозвал Ольгу и познакомил ее с молодым лейтенантом Виктором, объяснив ей, что именно Виктор будет помогать ей в поисках дочери. Виктор вел машину и рассказывал ей о том, как нашли девочку, похожую на Марлену.

Прежде всего удалось найти тех людей, которые знали родственников Вахтанга, и они рассказали, что когда те приехали из Кременчуга вместе с девочкой, то выдали ее за своего ребенка. «А дальше увидите сами, только держите себя в руках». Помолчав, Виктор добавил: «Надо преодолеть кое-какие трудности».

Машина ехала по просыпающимся Черновцам. Город почти не пострадал в румынской оккупации. Его освободили практически без боя. Весеннее утреннее солнце освещало стены прекрасных дворцов и маленьких аккуратных особняков. Ольга видела много освобожденных городов. Уходя из города, фашисты взрывали многие красивые здания, города были разрушены от бомб и снарядов. Но Черновцы не походили на эти города.

Машина остановилась у городского рынка.

Виктор подошел к небольшому ларьку и постучал в дверь. Долго на его стук никто не отзывался. Виктор постучал еще раз.

- Чего надо? - раздался из-за двери грубый, хриплый голос.

- Вылезай, - резко, командным голосом ответил лейтенант.

Дверь приоткрылась и показалась грязная растрепанная фигура, одетая в серые лохмотья, в которых с трудом можно было узнать остатки женского платья.

- Что тебе? - спросило существо, в котором теперь проглядывало женское обличие.

Ольга внимательно всматривалась в женщину, пытаясь угадать в ней какие-то знакомые ей черты. Но в ее хорошей памяти юриста ничего не всплывало. Только глаза, зеленые и злые, кого-то напоминали ей.

- Где девочка? - спросил Виктор. - Где девочка, с которой ты милостыню просишь?

- Зачем тебе моя дочурка? Где надо - там она и есть.

- Читать умеешь? - спросил Виктор, показывая свое удостоверение. - Говори, где девочка, а то сейчас поедешь со мной и там уже будешь петь другие песни.

- Не отдам свою дочку! - закричала женщина.

Вдруг Ольга вспомнила эти глаза. Однажды она обратила внимание на то, что пришедшая в гости соседка бабушки Нино, тетка Олеся, посмотрела на нее таким же злым зеленым взглядом.

- Олеся! - закричала Ольга. - Отдай мою дочку!

- Не твоя это дочка, а моя, себе еще нарожаешь со своим офицериком.

- Нет у меня больше мужа, погиб, - сказала не своим, тяжелым голосом Ольга, - а дочка единственное, что у меня осталось.

- Не разжалобишь, не отдам! - кричала, надрываясь, Олеся. - Мне тоже жить нужно.

- А ну, пусти внутрь, - сказал Виктор, потянувшись к кобуре с пистолетом, - пусти, а то хуже будет.

В уголке маленькой комнатки, заваленной каким-то хламом, лежала завернутая в лохмотья девочка.

- Доченька! - закричала Ольга и кинулась к ребенку.

Девочка, как зверек, забилась дальше в угол и тихонько простонала:

- Тетенька, дайте хлебушка...

Самолет улетал в Москву через сутки. Ольгу с Марленой разместили в каком-то брошенном доме. «Первым делом вымыться и вывести вшей», - подумала Ольга и занялась этим незамедлительно, после того как покормила ребенка.

- Мама, я твоя мама, - постоянно повторяла Ольга.

Но Марлена все время отталкивала ее от себя и плакала.

Ночью они легли рядом в кровати. Девочка долго не спала, а потом вдруг повернулась к Ольге и крепко обняла ее. Так они вместе и заснули.

Ночью Ольге снился сон: все тот же луг с летними цветами. Ей навстречу бежит Вахтанг и кричит: «Олечка, ты молодец, ты нашла нашу дочку!» И снова взрыв снаряда, дым... Ольга проснулась. Рядом радостно улыбалась во сне Марленочка.

Борин двор

У каждого человека, выросшего в нашей стране в сороковых-пятидесятых годах двадцатого века, есть свой двор – двор детства. Прошло много лет, которые перевернули наши представления о мире. Но память часто возвращает нас к тем дням трудного, прекрасного, правильного по тем временам и совсем не понятного сейчас бытия.

Моего героя окружали обыкновенные люди с обыкновенной судьбой. Он жил в обыкновенном послевоенном мире, когда по улицам ходило больше калек, чем сейчас, когда все время делилось на «до войны», «в войну», «после войны», когда великий вождь каждый год снижал цены, а очереди за мукой и хлебом занимались с ночи, когда мы радовались всему и не замечали своей жестокой бедности, когда помощь и сопереживание сочетались с лютой ненавистью. Это был странный, искаженный мир. И только через много лет оказалось возможным увидеть его глазами обыкновенного ребенка конца сороковых - начала пятидесятых.

Двор, где жил Боря, был пыльным прямоугольником, отгороженным трухлявым забором от захламленной мостовой. В центре двора стоял так называемый «хозяйский» дом, на второй этаж которого вела пологая длинная лестница из нестроганых, вымытых дождями досок. Где-то там обычно пряталась от горластой оравы ребят вечно ищущая блох старая сибирская кошка. Если бы кто-то посторонний забрел во двор, то он мог бы увидеть ее, с судорожно поджатой лапой, на веранде, около помойного ведра небесного цвета. Но гости в этот двор заходили очень редко.

Боря не помнил, как арестовали его отца – директора Урского театра. Ему было всего три года, когда случилась беда. Но он знал, что отец в долгой служебной командировке на Севере и обязательно вернется и привезет Боре подарки. Ему хотелось почему-то, чтобы отец привез большую кедровую шишку, наполненную вкусными орехами. Но отец долго не возвращался из командировки. Однажды, когда Боря гулял во

дворе и пытался вылепить из снега непонятную фигуру, соседка Анна Тимофеевна подозвала его к себе и, вздохнув, спросила:

- Где же твой папа, Боречка?

Боря твердо, даже с некоторой гордостью ответил:

- Он на Севере, в командировке.

- Придумываешь ты все, Боря, - ехидно заметила соседка, - в тюрьме он, враг народа.

Спазм сдавил горло, и Боря, сдерживая слезы, побежал к бабушке. Прижавшись к ней, рыдая, он спросил:

- Мой папа враг? Он в тюрьме?

Бабушка, погладив Борю по голове, ответила:

- Во-первых, не все, кто в тюрьме, враги, а во-вторых, папа твой действительно работает на Севере и скоро приедет. Не верь никому.

Несколько дней Боря старался не выходить из дома. Но все-таки желание играть с детьми взяло верх. И когда он вышел, первым, кого он встретил, был сосед Давидзон, который работал председателем какой-то артели. Для всех мальчишек двора это был самый большой начальник, проживавший на втором этаже «хозяйского» дома в небольшой комнате. Самым любопытным казалось то, что у него была домработница Клава. Каждое утро она в сопровождении хозяина – лохматого полного мужчины в сером френче - направлялась в сарай за дровами.

После того как Клава набирала охапку дров, поленья тщательно пересчитывались, и процессия направлялась к дому. Впереди несла охапку дров Клава, а сзади, позванивая ключами, шел важный Давидзон. Иногда его сменяла жена Соня – полногрудая брюнетка небольшого роста с семенящей походкой.

Утром и вечером Давидзон уезжал и приезжал на повозке. Кучер, управлявший повозкой, был важнее пассажира.

- Барин, - с уважением пополам с презрением называла его бабушка.

Редко - но такое бывало - Давидзон приезжал с работы в прекрасном настроении и, увидев Борю, подзывал:

- Иди ко мне, я тебе что-то дам.

Мальчик торжественно, как медаль, получал из его рук карамельку, а один раз, будучи в особо хорошем расположении духа, Давидзон вручил ему сахарного петушка. Когда Боря в этот раз увидел Давидзона, от него сильно пахло спиртным. Оглянувшись, он тихо сказал:

- Твой папа Иосиф - хороший человек. Запомни, что тебе сказал Давидзон, и никому не верь. Давидзон всегда говорит правду!

Однажды утром Боря остался дома один. Мама ушла на работу, а бабушка - за продуктами на базар. Это было обыкновенное утро. Но какое-то непонятное чувство беспокоило Борю. День, как всегда во дворе,

начинался с полусонных сборов мужчин на работу, с ленивых переругиваний женщин по поводу завтрака и непостиженных рубашек. Все женщины двора делились на тех, кто ходил на работу, и тех, кто по разным причинам уже, еще или временно не работал. К восьми часам утра двор переходил во власть этой второй половины. Эти женщины, растрепанные, с опухшими от сна лицами, тащились под предводительством Анны Тимофеевны к помойной яме в самом конце двора.

Боря долго не хотел вылезать из-под лоскутного одеяла. Утренняя прохлада в небольшой квартирке на первом этаже флигеля, в котором он жил вместе с матерью, казалась арктическим холодом.

Выглянув снова во двор, Боря увидел, что Анна Тимофеевна о чем-то взволнованно говорила, при этом ее взгляд все время устремлялся на окна Бориного жилища.

И вдруг вся толпа направилась к двери Бориной квартиры. Во главе двигалась самая крикливая - маленькая тетя Валя, муж которой погиб от рук бандитов в конце войны на Западной Украине.

В дверь постучали. Открыв, Боря увидел делегацию из трех активисток двора во главе с тетей Валей. Сердце екнуло. Он начал вспоминать все свои прегрешения, совершенные накануне, но ничего страшного вспомнить не мог.

- Боря, - ласково сказала тетя Валя, - где петух?

И тут он понял, почему сегодняшнее утро показалось ему странным. Не было слышно крика петуха. «Ку-ка-ре-ку» петуха Анны Тимофеевны было гимном, это была песня, это был вопль благополучия и довольства. Петух претендовал на возвешение восхода солнца и рекламу его живительных лучей.

То, что сегодня петух молчал, было для двора сенсацией.

- Где петух? – грозно повторила тетя Валя.

- Какой петух? – не понимая, чего от него хотят, спросил Боря.

Маленькая круглая тетя Дора завизжала тонким пискливым голосом:

- Вы посмотрите, он еще и издевается! Он, видите ли, не знает петуха Анны Тимофеевны.

- Ты лучше скажи, откуда это?

Она начала трясти явно петушиными перьями прямо перед Бориным носом.

– Только вы, оборванцы, дети бандитов, могли петуха уважаемого человека слопать!

Боре стало не по себе, и лицо его стало красным, как флаг на демонстрации. Это было безобразное свойство - краснеть, когда чувствуешь какую-то несправедливость.

- Какой петух? Не крал я вашего петуха! – закричал Боря. - Сами вы его съели.

И тут вся делегация стала уговаривать Борю признаться.

Суд и приговор были скорые. Борю высекли крапивой. И личным исполнителем наказания была Анна Тимофеевна. Было не столько больно, сколько обидно.

Когда акт справедливого возмездия подходил к концу и Боря, всхлипывая, подтягивал штаны, все увидели, как кошка Анны Тимофеевны вылезла из-за сараев, и на ее когтях и морде были видны недвусмысленные следы совершенного ею преступления.

Боря закрылся в своей холодной комнате, которая была его главным убежищем. Он впервые осознал, что на свете есть безнаказанная несправедливость, и в душе его зародилась идея отомстить всем. Он придумывал различные способы мести: «Может, повесить кошку Анны Тимофеевны? Хотя при чем здесь кошка? Ей просто хотелось есть, а ее не кормили. А может, измазать краской лестницу, ведущую в квартиру Анны Тимофеевны? Но могут испачкаться и другие. А это несправедливо».

Его размышления прервал голос бабушки, вернувшейся с рынка:

- Боря, Боря, где ты? Боречка, беда! Большая беда! Умер Сталин.

Боря знал, что самый великий и справедливый человек в стране – это вождь Сталин. Он также знал, что вождь борется с плохими и несправедливыми людьми. От мамы и бабушки он неоднократно слышал, что если обратиться к Сталину, то он всегда поможет людям.

Боря стремительно выскочил из своей комнаты и уже хотел пожаловаться бабушке на несправедливость Анны Тимофеевны, как вдруг увидел, что бабушка, прижавшись к печке, плачет над напечатанным в газете портретом вождя в траурной рамке.

На другое утро бабушка сшила на старинной машинке «Зингер» маленькую траурную повязочку и надела Боре на рукав.

Боря и мама пошли в Первомайский сад - небольшой парк, в котором стоял памятник Сталину. Бесконечным потоком туда несли венки со всех сторон города. Все плакали, и Боре было очень страшно. Было сыро и холодно. Взрослые произносили много речей и рыдали. Казалось, плакал весь город: и люди, и здания, и хмурое небо.

Когда вернулись домой, бабушка вдруг неожиданно сказала маме:

- А твой-то скоро вернется.

Тогда Боря не понимал связи событий. Но так оно и случилось.

А за окном разбивались веселые весенние водяные хрусталики. На лестнице «хозяйского» дома, ласково улыбаясь солнцу, грелась кошка Анны Тимофеевны. Стало теплее на улице и на душе. Начиналась весна.

Индульгенция от Берия

Это было в конце шестидесятых. Мы сидели в небольшом кафе вместе с моим новым знакомым, с которым по воле администрации санатория оказались в одном номере и сразу, несмотря на разницу в

возрасте, подружились. Холодное пиво, которое мы с удовольствием потребляли, становилось еще вкуснее благодаря маленьким, похожим на красных божьих коровок черноморским креветкам. Мой сосед был старый еврей, и в силу моей молодости я воспринимал его как человека, пришедшего из другого мира, о котором я слышал, но многого в нем не понимал.

Имя моего знакомого было Мендель Лазаревич, хотя все звали его Матвей Леонидович. В советское время принято было переделывать все имена на русский лад. Так было понятнее, привычнее и безопаснее.

Пиво постепенно поглощалось нами, а гора шелухи от креветок росла быстрыми темпами.

Мендель Лазаревич вдруг тяжело вздохнул и сказал:

- Хотите, я вам расскажу о том, как я видел Лаврентия Павловича Берия?

- Как, вы видели самого Берия? – переспросил я.

- Самого, самого, не удивляйтесь. - Он сделал паузу и продолжил. - Хотя это очень удивительная история.

Я вспомнил строчки, которые, будучи семилетним ребенком, выучил и с удовольствием декламировал: «Берия, Берия, вышел из доверия, и сказали на суде: «Быть врагу теперь в узде...»

Мендель Лазаревич продолжал:

- Я уже говорил вам, что я портной, но я не просто портной. Спросите меня, кто из женщин нашего города не шил у меня пальто? Не найдется таких. Найдутся только те, которые покупают плохие пальто в магазине. Настоящие же пальто шьют портные. И такой портной, как я, мог сшить такое пальто, которое носили с удовольствием. Ну, спросите меня, у кого шьет пальто жена первого секретаря обкома партии? У меня, поскольку лучше никто у нас не сошьет.

Итак, о том, как я видел Берия. Но прежде я должен рассказать о себе.

В молодости я жил в Румынии, был членом ЦК Коммунистической партии Румынии, и когда началась война, я решил, что надо уходить из фашистской Румынии и переходить к нашим товарищам, к нашим братьям по Коммунистической партии в России, в Советский Союз. Я перешел границу нелегально - мне помогли румынские товарищи. Но когда я только перешел границу, меня сразу забрали в НКВД. Трое суток шел допрос. Меня били и убеждали, что я негодяй, шпион румынский. А потом собрались три человека и определили наказание: десять лет лагерей за незаконный переход границы. Я очень долго думал: «За что?» Я же

перешел к своим, коммунистам, я же коммунист, а меня в лагеря! Но я был убежден: ошибка разрешится. Рано или поздно я буду на свободе, и все будет нормально.

Лагеря - дело страшное. Когда приехали в Игарку, был страшный мороз. Нас определили на лесоповал. В первый же месяц десять человек из тех, кто прибыл со мной, умерли. Но я себе говорил: надо жить! И пытался жить, как мог. Голодные и уставшие, мы валились с ног, возвращаясь с работы. Только в июле сорок первого по лагерю пронесся слух: началась война. В лагерях тайны хранились, хранилась тайна и о том, что фашистская Германия напала на Советский Союз. Но когда нам объявили об этом, я первый написал о том, что хочу на войну.

Через два месяца меня вызвал лагерный опер и сказал:

- Вы неправильно написали заявление. Напишите заявление так: «Я виноват перед Советским Союзом в незаконном переходе границы и, как бывший румынский шпион, хочу искупить свою вину кровью».

Я сказал, что я не был шпионом.

- Но вы же хотите на фронт?

- Хочу!

- Так и напишите, тогда вы действительно попадете на фронт.

Я плюнул на все и написал, как он сказал. И правда, через месяц меня вызвали и определили в штрафной батальон. Откуда ты можешь знать, что такое штрафные батальоны? Это больше смерть, чем жизнь. Нас посылали впереди всех, под пули, мы шли на минные поля перед атакой. Выживали единицы. К счастью, выжил и я. Мне очень повезло – меня всего-навсего ранило в руку на третий день. После выхода из госпиталя стал воевать в обычных частях. Подождите секунду, я сейчас вам покажу свою послевоенную фотографию.

Он вытащил из кармана фото и протянул его мне. Я увидел бравого военного в кителе, увешанном орденами.

- Видите ли, я не просто «присутствовал» на войне. За это наград не дают. Я был уверен, что правда восторжествовала и мне поверили.

Победу я встретил в Праге. Уже была подписана капитуляция, а на улицах этого прекрасного города продолжались бои. И как ни печально, десятого мая я был ранен и попал в госпиталь. В госпитале провалялся почти три месяца. Но там я встретил Сару, она служила медсестрой и фактически выходила меня. И началась у нас любовь. К счастью, мы уже много лет вместе.

Мендель Лазаревич глубоко вздохнул, и мы оба посмотрели на море. По морю плыл белый теплоход. Красная бахрома заката постепенно

угасала. Море стало совсем спокойным. Над курортным городком зажигались вечерние огни. Мы подозвали официанта - усатого кавказца - и заказали еще пива с креветками.

Мендель Лазаревич еще раз глубоко вздохнул и продолжил рассказ:

- Вы спрашиваете, что случилось со мной после выписки из госпиталя? При выписке мне сказали: «Вы можете жить где угодно, но не западнее Свердловской области. Вы полностью свободный человек, но западнее Урала уезжать не рекомендуем, да и просто не разрешаем. Вы же бывший шпион».

Когда мы с Сарой приехали в Свердловск (к счастью, на ее родину), я подумал: «Что мне делать?» Вообще я долгое время занимался в Румынии партийной работой, но кто возьмет на такую работу бывшего «шпиона»? Папа же был у меня портной, и он меня кое-чему научил. Я стал шить. Я официально устроился в ателье и шил пальто.

Мы с Сарой поженились и жили хорошо, даже очень хорошо. И надо было мне жить в этом Свердловске.

Когда умер Сталин, я понял, что наступает время перемен.

Я сказал: «Поеду в Москву, поеду к самому Берия, ведь он теперь заместитель Председателя Совета министров, и попрошу разрешить мне жить где угодно».

Сара, мудрая женщина, сказала мне: «Слушай, Менделе, если ты хочешь смерти, езжай – я не хочу быть вдовой. Но я тебя прошу, умоляю, я буду плакать, у меня будут литься все слезы, которые не лились никогда в жизни в таком количестве, как сейчас. Не езжай в Москву, я хочу тебя видеть живым, а если ты поедешь, ты мне мертвым не нужен. Не возвращайся».

К несчастью, я очень упрямый человек. «Сара, - сказал я, - ты женщина, и ты ничего не понимаешь. Умер Сталин. Я все равно получу разрешение жить где угодно. Я поеду к Берия, а он человек понимающий, он не такой как те, кто посадил меня, и он мне разрешит жить где угодно». Я взял деньги, немного вещей и поехал Москву.

Я пришел в приемную Министерства внутренних дел на площадь Дзержинского.

За столиком дежурного под большим портретом Дзержинского сидел прилизанный, пахнувший дорогим одеколоном офицер, с густыми черными бровями и взглядом, пронизывающим насквозь.

Дрожащим голосом я сказал:

- Хочу встретиться с Лаврентием Павловичем Берия!

Дежурный строго спросил:

- Какие у вас есть документы?

Все документы, которые были у меня, я выложил перед ним на стол.

Офицер презрительно пролистал их и спросил ехидным голосом:

- А справка у вас есть?

- Какая еще справка? - спросил я.

- От психиатра, - усмехаясь, сказал майор.

- Я не брал никаких справок. Я обычный портной. Но я хочу решить один вопрос, который важен для меня... Вы понимаете, я бывший румынский коммунист. Я был членом ЦК Коммунистической партии Румынии. И вот меня арестовали за то, что я сбежал из Румынии к вам, в Советский Союз. Я хочу хоть капельку помощи от Берия, чтоб мне сказали, что я ни в чем не виноват.

- Вы из Румынии? - спросил уже с интересом дежурный. - Подождите, посидите здесь.

- Не помню, сколько я сидел, - продолжал Мендель, - но не меньше двух часов. Странно, но мне очень хотелось спать, может, потому что в поезде я спал плохо, было шумно и накурено. Когда я уже стал засыпать, вдруг появился майор.

Он сказал, как бы удивляясь тому, что произносит:

- Вас примет товарищ Берия, только не сегодня. Вам придется подождать несколько дней, когда вам назначат встречу.

- Вы, наверно, шутите, - произнес я достаточно наглую фразу. - Я бедный портной, приехал в Москву на последние деньги, и вы хотите, чтобы я ждал несколько дней! Где мне жить, что мне кушать?

- Да вы не волнуйтесь, - произнес майор. - Вот вам направление в гостиницу «Пекин». Поезжайте туда, вас поселят. А вот это книжечка талонов, по которым вы можете питаться в ресторане.

- Приехав в гостиницу, - продолжал Мендель свой рассказ, - я поселился в отдельном номере. Вы понимаете - в отдельном! У нас никогда нет отдельных номеров, а тут меня поселили.

Вы знаете, когда я нервничаю, я всегда хочу есть. Пришел в ресторан и говорю официантке: «Простите, у меня нет денег, но вот есть какая-то книжечка. Вы можете мне дать что-нибудь поесть?» Она посмотрела на нее и сказала: «По вашей книжечке я могу вам не только дать поесть, но и графинчик водки». «А можно мне два графинчика?» - нагло спросил я. Девушка улыбнулась и сказала: «Можно и два». «Тогда принесите один», - сказал я.

Я заказал много еды. Вы не представляете, как я жил в эти дни! Я съел столько вкусных вещей, как будто старался наесться на многие годы вперед. Думал, если меня и убьют, то хотя бы немножко понаслаждаюсь красивой жизнью. Так мне было хорошо и приятно, как никогда прежде. Только мучила одна мысль о том, как это все завершится и, главное, чем завершится.

Это случилось на пятый день. В половине двенадцатого ночи в номере раздался телефонный звонок, и очень вежливый, но очень требовательный голос произнес: «Мендель Лазаревич, спускайтесь вниз, вас ждет машина».

- А куда мы поедем? - спросил я.

- Не надо задавать лишних вопросов, - ответил вежливый голос.

- Все, – подумал я. - Вот и графинчик водочки, вот и закусочка, вот и жизнь опять не туда....

Спустился я вниз. У гостиницы стояла легковая машина с зашторенными окнами. Рядом с ней я увидел двух совершенно не запоминающихся, словно тени, людей.

Один из них сказал:

- Садитесь, пожалуйста, Мендель Лазаревич.

- Куда мы поедем? - спросил я.

Последовал раздраженный ответ:

- Вам же уже сказали: не надо задавать лишних вопросов.

Я сел в машину. Двое молодых людей сели с двух сторон. В машине еще больше зашторили окна.

Мы ехали по каким-то улицам, все было довольно непонятно, долго, потом мы остановились совсем не на Лубянке.

Как только мы остановились, один из сопровождающих резко сказал: «Пройдемте».

Я увидел небольшой двухэтажный домик за большими воротами. Меня подвели к домику и сказали:

- Поднимайтесь на второй этаж, вас ждут.

Если ты знаешь, как дрожат коленки, так у меня дрожали не только коленки. У меня дрожало все тело.

Поднялся я на второй этаж, открыл дверь и увидел большой, слабоосвещенный зал. В глубине этого зала стоял громадный письменный стол. За столом сидел маленький человечек в пенсне. В этом человечке с трудом можно было узнать того великого, которого я неоднократно видел на портретах на демонстрации. В зале не было ни одного стула. В единственном кресле сидел Лаврентий Павлович Берия.

Из глубины комнаты раздался голос:

- Мендель Лазаревич, вы хотели обратиться с какой-то просьбой?

- Лаврентий Павлович, извините меня, - сказал я, - только к вам я мог обратиться с этой просьбой. Я член ЦК Коммунистической партии Румынии, перешел границу во время войны, спасаясь от фашистов. Меня арестовали.

- И вы считаете, это незаслуженно? - с ехидной улыбкой спросил Лаврентий Павлович. Эту улыбку невозможно описать. Она вызывала какой-то подкожный страх.

Я не знал, что ответить. Потом опомнился и сказал:

- Может, вы меня просто не поняли?

Берия расхохотался:

- Много у нас таких, которых не поняли. Вы скажите лучше, у вас остались друзья в сегодняшнем политбюро ЦК Компартии Румынии?

- Да, лучший друг мой является членом политбюро. Он со мной работал. Он был в подполье, в Бухаресте.

- Так, так, хорошо, - удовлетворенно сказал Берия, - и вы можете к нему обратиться при необходимости?

- Да, - ответил я.

- И это хорошо. А вашу проблему мы решим, - сказал человек за столом. - Что вы вообще-то хотите?

- Я хочу жить в нашей стране в том месте, в котором мне захочется.

По неведомому мне сигналу в кабинет вошел тот самый майор, который разговаривал со мной в приемной.

Берия сказал:

- Дайте ему бумагу, чтобы он мог жить где угодно.

Не знаю, какая муха меня укусила, но я нагло сказал:

- У меня нет денег на билеты.

- Купите ему билеты! - сказал Лаврентий Павлович.

Моя наглость продолжала толкать меня на глупые фразы:

- Лаврентий Павлович, должна же быть какая-то компенсация. Я почти год в лагере провел.

Берия недовольно хмыкнул и сказал:

- Ладно, дайте ему пять тысяч рублей!

- Спасибо, Лаврентий Павлович, - поблагодарил я.

Даже не поворачиваясь, пятясь, вышел из комнаты. Майор вручил мне пять тысяч рублей и сказал, что отправит на машине на вокзал, и дал бумагу за подписью Берия, что я реабилитирован и могу жить где угодно.

Сердце колотилось в груди от счастья. Я представил, как я приеду в Свердловск и скажу: «Ну и дура ты, Сара, дура. Вот видишь, все получилось, как я думал, а ты не верила».

Я сел в поезд и крепко заснул. Проснулся на какой-то небольшой станции. День уже приближался к вечеру. Вышел на перрон и решил купить газету. Вернувшись в купе, прочитал: арестован враг народа Лаврентий Павлович Берия!

Быстро открыв чемодан, нашел бумагу, разорвал ее на мелкие куски, чтобы не было подписи Берия. Поезд пошел дальше. И до сих пор я живу в Свердловске. Хороший город.

На набережной начинался главный период курортного бытия. Прибавилось народу. Пары дефилировали по берегу моря. В море сверкали какие-то загадочные огоньки. В кафе не осталось ни одного свободного места.

- Пройдемся, - сказал Мендель Лазаревич. – Знаешь, это судьба, что я тебя встретил. Ведь эту историю я никому до сегодняшнего дня не рассказывал, боялся.

Громче заиграл духовой оркестр, и мы пошли на берег моря, где ласковые волны с тихим плеском ударились о волнорез, на котором сидело несколько морских чаек в ожидании возможности съесть пойманную рыбу.

Джаз

Комсомольское собрание проходило как всегда. Народ, собранный после уроков, томился в ожидании вполне предсказуемого финала, а также мучился желанием утолить голод, накопившийся за время занятий. На сцене, время от времени строго поглядывая в зал, секретарь комитета комсомола отличница Лена Морозова отчитывалась о проделанной работе. Перечислялось количество заседаний, субботников, шефских концертов. Как достижения звучали цифры об успеваемости комсомольцев, выполнении ими общественных поручений, а также тоннах сданного металлолома и килограммах собранной макулатуры. При этом резкой критике подвергся 9«в», который умудрился сдать в металлолом стрелу башенного крана, несколько лет являвшегося символом замороженной стройки городского молодежного клуба.

Участники собрания не проявляли особого интереса к данному мероприятию. Они знали, что изберут тот комитет комсомола, который предложат им учителя, в который попадут те, кого часто называют

«любимчиками». В президиуме собрания за столом, накрытым зеленой скатертью, сидели несколько активистов, завуч Зинаида Романовна, секретарь партийной организации школы и инструктор райкома комсомола. В центре сидел и внимательно слушал Лену недавно назначенный директор Михаил Петрович, который несколько лет проработал инструктором горкома партии.

Когда началось обсуждение доклада, комсорги классов выходили и расхваливали работу комитета комсомола и свою общественную деятельность. Собрание уже подходило к концу, как вдруг с последнего ряда раздался голос Гриши Скоробогатова из 9 «в»:

- А можно выступить от себя и не по бумажке?

Инструктор райкома Сталина, девушка в строгом клетчатом костюме с наградным комсомольским значком на груди, вскочив со своего места, строго посмотрела на Гришу и сказала:

- По-моему, все ясно с оценкой деятельности комитета комсомола и прения можно прекратить.

Михаил Петрович осторожно, одним движением руки остановил речь инструктора райкома и, обращаясь к залу, предложил:

- Давайте дадим Грише высказаться.

Зал загудел. Назревало что-то новое и непривычное. Раздались выкрики: «Давай, Гриша, изрекай!»

Гриша, достаточно упитанный подросток с короткой прической и большими торчащими ушами, вызывавшими смех у одноклассников, быстро выскочил на трибуну и начал незапланированную организаторами собрания речь.

- Ребята, - обратился он к залу, - какие мы комсомольцы, если живем тоскливо и без всякой пользы проводим свое время. Надоело! Давайте взбодримся! Ведь наступает новая эпоха. В космосе побывали Гагарин и Титов. Растет число комсомольскихстроек. А мы что делаем? Металлолом собираем и только. А какие у нас вечера? Скучотища сплошная. И все нам учителя готовят. Где же мы сами? Где наша комсомольская активность?

Зал загудел. С ужасом инструктор райкома Сталина увидела лес рук. Она растеряно посмотрела на директора школы. Михаил Петрович, повернувшись к президиуму, как бы извиняясь, сказал:

- Пусть ребята выскажутся, у них, наверное, появились интересные предложения.

Один за другим старшеклассники, вскакивая с мест, вносили предложения, поддерживая Гришу.

Вдруг Лена Морозова подняла руку и, когда ей предоставили слово, предложила избрать секретарем комсомольской организации Гришу Скоробогатова. При этом добавила:

- Предлагать все можно, пусть попробует сделать.

Инструктор райкома не знала, как ей поступить. На бюро райкома было принято решение, согласованное с партийной организацией школы, об избрании секретарем Морозовой. Но собрание было уже неуправляемым. И какую-то странную позицию занял директор школы, который неожиданно поддержал предложение Лены.

Так Гриша неожиданно для всех, да и для самого себя, возглавил школьную комсомольскую организацию. И с первых дней своего секретарства он понял, как права была Лена, когда говорила, что предлагать и организовывать - вещи разные. А от него ждали перемен.

Вечером у Гриши дома собрались все его школьные друзья.

- Что будем делать? - задал им единственный вопрос новоиспеченный комсомольский вожак.

Света, дочь известного в Хасановске художника, мечтательно сказала:

- Слабо нам школьное кафе организовать? Слышала, что в Москве молодежные кафе сейчас открываются.

- Где мы деньги на это возьмем и кто нам даст помещение? - охладил мечтания Светы прагматичный Николай, увлекавшийся техникой и в седьмом классе даже получивший диплом за собранную им УКВ-радиостанцию.

- Может, нам просто начать с того, что подготовить необычный концерт на Новый год? - предложил начинающий поэт Семен.

- Концерт - это здорово! - воскликнул Дима Эпштейн. - Давайте проведем вечер американского джаза!

Дима учился в музыкальной школе, а папа его был главным инженером завода и иногда бывал за границей. Он привозил различные журналы, а иногда и пластинки. Дима приносил их в школу и показывал самым близким друзьям.

Вот и сегодня он вытащил запрещенный к продаже в Советском Союзе журнал «Америка» на русском языке.

- Вот смотрите, - сказал Дима, - клёвая статья про джаз.

Он открыл журнал, и все увидели фотографию черного саксофониста, который, выгнувшись назад, весь в каком-то легком напряжении, по-видимому, извлекал звуки из своего инструмента.

- У нас ведь тоже играют джаз, и никто его не запрещает, - сказал Николай. - В Москве комсомольцы открыли джазовый клуб, и там играет Леша Козлов – классный саксофонист.

- Давайте и мы попробуем, - поддержала Светлана.

Гриша задумался.

- Осталось самое простое, - иронически сказал он, - получить разрешение директора, найти музыкантов, инструменты и современные записи джаза.

Глаза у ребят загорелись, и план подготовки вечера американского джаза стал быстро рождаться в их головах.

Наутро Гриша робко постучался в кабинет директора школы. Михаил Петрович что-то писал, сидя за большим, еще дореволюционным письменным столом. Над столом висел большой портрет А.С. Макаренко.

- Ну что, комсомол, пришел с предложением? - то ли спрашивая, то ли утверждая, встав из-за стола, произнес директор. - Садись и рассказывай.

Гриша долго думал перед этим, как убедить директора и получить разрешение на проведение концерта, но никак не мог придумать, с чего начать разговор.

Без всякого вступления он брякнул:

- Хотим провести вечер джаза!

- Джаза? - переспросил Михаил Петрович. - Почему джаза?

- Оригинально и весело, - ответил неуверенно Гриша, - кстати, в Москве комсомольцы джазовый клуб открыли.

- Не хочу вам мешать, - вдруг, улыбаясь, сказал директор, - придумали - реализуйте.

Потом, сделав паузу, добавил:

- Только сделайте так, чтобы нам с тобой не попало.

На джазовый вечер пришли все старшеклассники. В зале яблоку негде было упасть.

Когда открылся старый занавес из серой выцветшей ткани, все увидели изображения высотных домов и ярких вывесок, на одной отчетливо проглядывало название загадочного города Нью-Йорк.

Заиграла музыка, и на сцену вышла Света, которая с упоением рассказала об истории североамериканского джаза.

После этого на сцене появились музыканты. Это был созданный чудом и усилиями Димы Эпштейна джазовый ансамбль. Дима сам играл на пианино, его друг Серега играл на контрабасе - большой балалайке, взятой из школьного струнного оркестра. Ударником был сам Гриша, который

играл на большом барабане из духового оркестра, тарелках, привешенных на веревке, и двух барабанах из пионерской комнаты. Трубочом был Вася из духового оркестра. Этот импровизированный ансамбль исполнял музыку, которая вполне принималась слушателями за настоящий джаз.

Потом Света спела песню из репертуара американских джазовых певиц, слова которой она долго разучивала с учительницей английского языка Элеонорой Генриховной.

Зал рукоплескал. Участники концерта были довольны. Школа проснулась от спячки. Гриша ликовал.

Утром Гришу вызвали в райком комсомола. Инструктор Сталина, ненавидяще взглянув на него, сказала:

- Доигрался, преклоняешься перед буржуазной культурой! Джаз пропагандируешь вместо комсомольских песен. Пойдем к первому секретарю, он тебе выдаст по первое число.

Когда Гриша со Сталиной вошли в кабинет, первый секретарь райкома, лысеющий молодой человек лет тридцати, хмуро, строгим взглядом посмотрел на Гришу.

- Ну, что думаешь о произошедшем? - спросил он Гришу.

Гриша начал говорить о том, что джаз сегодня играют везде, что московские комсомольцы даже создали джазовый клуб.

Секретарь вскочил со своего места, ударив рукой по столу, вскрикнул:

- Хватит разводить демагогию! На бюро райкома с тобой поговорим. Как бы не пришлось тебе, голубчик, положить комсомольский билет на стол. Иди и подумай о своем поступке.

Гриша, удрученный таким поворотом дела, медленно побрел в школу по улицам заснеженного Хасановска.

Когда он открыл двери школы, его окружили старшеклассники.

- Что в райкоме? Ругали? - спросила Света.

Не успел он ответить Свете, как услышал громкий голос Лены, бывшего секретаря комсомольской организации:

- Правильно попало! Кто сейчас играет джаз, завтра родину продаст.

Ребята зашикали на Лену. Кто-то крикнул:

- А ты, Ленка, предательница! Как мы раньше это не понимали?

Из кабинета директора выбежала возбужденная Элеонора Генриховна. На секунду остановилась, хотела что-то сказать, но, безнадежно махнув рукой, пошла дальше.

- Гриша, зайди к директору, - раздался голос завуча.

Директор сидел за своим большим столом и нервно перебирал бумаги.

- Вляпались мы с тобой, Григорий, - сказал он грустно, - меня вот тоже в райком партии на ковер вызывают. Но мы же борцы. Может и отобьемся.

Школа замерла. Все ждали развязки.

По решению райкома комсомола в школе должно было состояться комсомольское собрание, призванное осудить буржуазных прихвостней и переизбрать секретаря комсомольской организации.

На собрании председательствовала инструктор райкома Сталина. Она высказала от имени райкома мнение, что проведенный джазовый вечер свидетельствует о низком уровне воспитательной работы в комсомольской организации и в школе в целом.

- В то время, когда буржуазная пропаганда усиливается, комсомольцы школы становятся фактически агентами буржуазии.

Зал напряженно молчал. Сталина предложила присутствующим выступить и осудить поступок секретаря комсомольской организации.

Выступить никто не хотел. Сталина обратилась к Лене Морозовой:

- Лена, выскажи свое мнение!

Неожиданно для всех Лена, выдавливая из себя слова, сказала:

- Считаю, что все нормально, концерт был хороший, и нам было весело...

Пауза повисла в зале, и вдруг ребята все дружно зааплодировали.

Сталина стала призывать прислушаться к мнению райкома комсомола и освободить Гришу от обязанностей секретаря комсомольской организации.

До сих пор не проронивший не единого слова Михаил Петрович тяжело поднялся со своего стула в президиуме и сказал:

- Товарищи комсомольцы, я очень хочу, чтобы в школе была настоящая комсомольская жизнь и чтобы каждый из вас был равнодушным и сам принимал важные для себя решения. Вам решать, как жить дальше.

Когда Михаил Петрович сел, Сталина нагнулась к нему и что-то недовольно зашептала ему на ухо. Потом поднялась и резко спросила:

- Кто за то, чтобы поддержать мнение райкома и освободить Григория Скоробогатова от обязанностей секретаря комитета комсомола?

В зале не поднялась ни одна рука.

- Кто против? - робко задала бессмысленный вопрос инструктор.

Лес рук поднялся в зале.

Сталина резко поднялась и выбежала из зала. Пока она одевалась и выходила из школы, в зале победоносно звучала веселая джазовая мелодия.

Петрович и Петька

Крень - поселок небольшой, около пяти тысяч жителей. По преданию имя он получил в далекие времена, когда строили дорогу из города Урск на восток. Именно в этом месте, где сейчас расположен поселок, дорога делала поворот, обходя небольшое озеро. Все ездовые говорили: «У озера дорога *крен* делает». И ругали этот *крен* почему зря. И место возле озера всеми проезжающими стало постепенно называться *Кренью*.

Когда купец Круглов открыл на берегу озера конезавод, возник поселок, которому дали имя Крень. С тех прошло много лет. Поселок разрастался: наряду с конезаводом в поселке появился спиртзавод, сельские мастерские и многое такое, что было типично для волостного, а в советское время для районного центра. В поселке был небольшой детский дом, куда свозили сирот со всей Урской области. Когда-то жил и учился в этом детском доме и мальчик Леша, которого, когда он вырос и отслужил три года в армии, все стали звать по отчеству - Петровичем.

Петровича в райцентре Крень знали все. Он руководил в районном доме пионеров духовым оркестром. Это был единственный духовой оркестр в округе. Играть на трубе Петровича научил воспитатель детского дома Юрий Кузьмич, который был ранен на фронте и поэтому ходил, опираясь на костыли. До войны он был профессиональным музыкантом и даже играл в оркестре областной филармонии. Но после того как под бомбежками погибла вся его семья, он решил работать в детском доме. Юрий Кузьмич подобрал ребят со слухом, обучил их нотной грамоте и создал маленький оркестр, который побеждал на всех смотрах художественной самодеятельности.

Но настоящим трубачом Петрович стал в армии, где три года играл в полковом оркестре. Когда он отслужил свою музыкальную службу и вернулся в поселок, сразу пошел в свой родной детский дом. И там узнал печальную новость, что Юрий Кузьмич умер. На кладбище Петрович долго стоял у могилы, над которой возвышалась железная пирамидка с красной звездой. Потом он вытащил стакан, бутылку самогона, которую ему дала сторожиха детского дома тетя Даша. Выпил, закусил куском желтого сала с хлебом и пошел искать жилье. Перед армией, когда он работал в МТС, снимал комнату в старом покосившемся домике у

пенсионерки – бывшей учительницы. К ней и направился. Серафима Сергеевна - так звали пенсионерку - встретила его радушно и долго за чаем с клубничным вареньем говорила добрые слова о Юрии Кузьмиче.

По совету Серафимы Сергеевны, да и по зову сердца, стал Петрович руководить детским духовым оркестром.

Дети приходили к нему в оркестр самые разные, а чаще всего те, кого приводили друзья. Петрович никому не отказывал и пытался найти каждому дело по душе.

С ребятами происходили чудеса. Многие кого часто называют детьми улицы, имеющие склонность ко всяким нехорошим поступкам, после нескольких недель занятий в оркестре становились прилежными учениками и добрыми помощниками взрослых. К Петровичу стали приходиться родители и просить взять в оркестр нерадивых чад.

Холостяцкая жизнь Петровича протекала довольно однообразно. С утра он расписывал партитуру для оркестра и возился по хозяйству в новом, построенном им доме. С обеда до вечера - в доме пионеров с маленькими музыкантами. Вечером любил посидеть с соседом – мастером из МТС - за рюмкой горячительного. У Петровича была такая же слабость к спиртному, как и у многих жителей Крени. Выпивая, он всегда причмокивал, как бы наслаждаясь вкусом напитка. Одевался Петрович небрежно, но на выступления оркестра надевал костюм, рубашку и свой любимый галстук – «бабочку в клеточку». Педагогический парадокс заключался в том, что воспитанники Петровича не брали с него пример и не стремились к «зеленому змию». А слабость Петровичу прощали, даже прятали его от начальства, когда он излишне «употреблял». Выпив, Петрович говорил своим питомцам:

- Грязь к добру не прилипает, живите по-божески, и грязь не прилипнет.

Оркестр играл и на свадьбах и на похоронах. Петрович со всех брал деньги за это музыкальное сопровождение. Но по-божески, немного. Кто-то его осуждал, а кто-то одобрял. Зато летом с согласия родителей он увозил на эти деньги свою музыкальную команду на берег Черного моря. Эти поездки были настоящим чудом. Увидев впервые морскую красоту, ребята преображались, и репетиции оркестра на берегу моря сливались с морским прибоем в единую песню счастья и наслаждения.

Петька ворвался в жизнь Петровича неожиданно и коренным образом перевернул все его размеренное существование. Привели Петьку в оркестр его дружки, с которыми он вместе по улицам шастал. Петька занимался старательно, и скоро Петрович доверил ему трубу. Как

известно, это важнейший инструмент в духовом оркестре. Петька прибежал в дом пионеров сразу после школы и уходил последним, вместе с Петровичем. А иногда просился остаться, чтобы еще порепетировать. Так случилось и в тот вечер. Петрович оставил ключи от комнаты Петьке и ушел, как всегда, к друзьям – рюмку выпить и о жизни поговорить.

Когда душа согрелась и Петрович обсудил все мировые проблемы с друзьями, он решил вернуться и проверить, закрыл ли Петька комнату с инструментами. Он открыл дверь оркестровой своим ключом и, убедившись, что все в порядке, уже собрался уходить. Вдруг он услышал, как откуда-то из глубины комнаты раздается какой-то странный звук. Это было что-то средним между всхлипыванием и посапыванием.

- Петька, ты что ли? - спросил полусшепотом Петрович.

Посапывание прекратилось. Петрович включил свет и увидел, как на стульях, съежившись непонятным образом, лежал Петька.

- Петь, ты чего домой не идешь?

- Не хочу и не пойду, - невнятно пробормотал мальчик.

Петрович медленно залез в карман, вытащил беломорину, присел на стул напротив Петькиного ложа и закурил.

- Ну, рассказывай, что там у тебя случилось.

Глаза Петьки покраснели, а на щеках появились слезинки. Он сжал губы и молчал.

- Не хочешь рассказывать - и не надо. Пойдем ко мне домой, там спать удобнее, заодно чайку попьем.

В тот вечер Петька все-таки рассказал Петровичу о том, что дома он никому не нужен, что мамка пьет вместе с отчимом. А когда отчим доходит до кондиции, то бьет Петьку нещадно.

Утром Петрович посетил Петькину семью. Он увидел грязь, пустые бутылки и злых с похмелья мать и отчима Петьки.

- Пусть Петька у меня поживет, - скорее утвердительно чем вопросительно произнес Петрович.

- А чем ему у нас плохо? - запричитала Петькина мать.

- Цыц! - перебил ее отчим. - Пусть этот «маэстро» бутылку поставит, и тогда решим дело.

Петрович молча протянул зеленый трешник и ушел, плотно закрыв дверь, при этом он ее придавил к коробке с такой силой, что, казалось, хотел, чтобы ее больше никогда не открывали.

Так и остался Петька жить у Петровича. Петькины родители продолжали пить и о Петьке вспоминали лишь тогда, когда встречали Петровича и просили у него денег на бутылку.

Жили Петька и Петрович дружно. Петька утром уходил в школу, потом они вместе репетировали, а вечером вместе варили картошку, смотрели телевизор. А чаще Петрович рассказывал Петьке о знаменитых музыкантах. Совсем он забыл друзей и выпивать почти перестал.

Вел Петрович холостую жизнь. Женщины у него, конечно, были, но все какие-то не такие. «Шалавы», - говорил о них Петрович.

Дольше всех он встречался с разведенной продавщицей Зинкой. Она всегда была ярко одета, на губах алело пятно, по форме напоминающее бабочку, и пахла она всегда духами «Красная Москва». Именно этот запах больше всего раздражал Петровича. И звала она его как-то по-собачьи - Лёшик.

Когда Петрович уходил к Зинке, Петьке объяснял:

- Надо навестить старого друга, заночую у него.

Однажды в райкоме партии дали машину и направили детскую самодеятельность по колхозам - настроение у людей поднимать во время уборочной страды.

Машина долго тряслась по грунтовой ухабистой дороге. Почти все участники концерта: и старые и малые - начали дремать. Вдруг автобус остановился и водитель сказал: «Приехали».

Руководитель концертной бригады Мария Владиславовна, заместитель директора дома пионеров, направилась искать начальство. Все разминали ноги после неудобного сидения в стареньком ПАЗике. Вернулась Мария Владиславовна, растерянная и встревоженная, и сразу набросилась на водителя:

- Ты куда нас завез? Это же не тот колхоз. Нас направили в «Путь к коммунизму», а ты привез в «Знамя коммунизма».

Повернувшись к музыкантам, сказала:

- Не волнуйтесь, обратно сегодня не поедем. Председатель созвонился с райкомом и с колхозом, куда мы должны были ехать, просит выступить в клубе с концертом. Обещает питание, размещение, хороший прием. А в «Путь к коммунизму» поедем завтра.

Концерт прошел с успехом. Колхозники долго аплодировали маленьким артистам. После всех разместили по домам. Петрович и Петька поселились у вдовой доярки Насти. Муж ее, пьяный, разбился прошлой весной на тракторе. Поехал в магазин за водкой и перевернулся. Долго болел, но не выжил.

Настя, крупная женщина, с волосами, заплетенными в косу, сразу напомнила Петровичу артистку Нонну Мордюкову. Фильмы с ее участием ему очень нравились.

Из русской печки Настя вытащила чугунок картошки, нарезала вареное мясо, достала из погреба соленые огурцы. Предложила Петровичу стаканчик самогона. Петрович посмотрел на Петьку и выпить отказался. Не хотел при мальце свою слабость показывать.

От Насти пахло чем-то очень знакомым и приятным. Когда Петрович уже засыпал, перед его глазами предстал образ женщины, которой он никогда не видел. Она была очень похожа на Настю. И он вспомнил этот запах - запах детства, который шел от его матери, запах тепла и топленого молока.

Утром, когда он открыл глаза, он увидел Настю, которая деревянным гребнем расчесывала свои длинные волосы.

Он тихонько подошел сзади и обнял ее.

- Не балуй, - ласково сказала Настя.

И вдруг неожиданно для себя Петрович предложил:

- Переезжай ко мне в Крень. Надоело нам с Петькой без хозяйки жить.

- Не шути так, возьму и перееду.

- Вот и переезжай.

Два месяца на попутках добирался Петрович к Насте и уговаривал ее. И уговорил-таки!

Стали жить они вместе: Петрович, Настя и Петька.

Петька сначала очень настороженно и ревниво относился к Насте. Но потом сказал Петровичу очень взросло, по-мужски:

- Понимаю, тебе жена нужна, мешать не буду, скажете - уйду от вас.

Петрович обнял Петьку, крепко прижал к себе и молча поцеловал.

Сначала все было прекрасно и замечательно. Настя вставала утром, готовила завтрак, потом будила мужиков. Петька уходил в школу, а Настя на работу на почту, где устроилась почтальоном.

Потом случилось неприятное. В субботу решили Петрович и Настя в кино пойти. Петька же собирался в футбол с ребятами погонять.

Настя заглянула в шифоньер и вдруг вскрикнула с ужасом:

- Мое платье, мое платье! Кто его порвал?

У Петьки была привычка засовывать в шифоньер все свои «ценные вещи». Однажды он зацепил платье Насти мотком проволоки, который спрятал «на всякий случай».

Петька покраснел.

- Это ты, негодяй! - закричала Настя и ударила Петьку по щеке.

Петька, заплакав, выбежал из дома.

- Не делай никогда так, - жестко, сквозь зубы выдавил из себя Петрович.

- Ты бы сдал его в детдом, а мы своих детей нарожаем.

Петрович повернулся и вышел из дома. Он недолго искал Петьку. Петька сидел на скамейке у озера и горько плакал.

Петрович обнял дрожащего паренька, прижал к себе и погладил по встрепанным волосам.

Помолчав несколько минут, уверенно сказал:

- Не плачь, все образуется. Посиди тут часок, а потом домой возвращайся. Я буду ждать.

Солнце садилось за озеро. Светило было какое-то неправдоподобно большое. Крупные рыбы плескались у берега. Черными точками рассыпаны были по озеру далекие рыбаки. Петрович, набрав пригоршню речной гальки, по одному кидал камешки в озеро. Камешки подпрыгивали, а потом тонули, как будто принимая решение жить не на берегу, а на дне.

Постояв полчаса, Петрович повернулся и пошел к дому.

Настя сидела злая и, бросив на Петровича ненавидящий взгляд, спросила:

- Ну что, успокоил своего приемыша?

- Знаешь, Настя, - тяжело вздохнув, сказал Петрович. - Давай возвращайся в свою деревню. В детдом Петьку не отдам.

Сосны разговаривали с ветром

Сосны разговаривали с ветром. Это был непринужденный разговор старых знакомых. Они познакомились еще тогда, когда ветер принес сюда семена и опустил пятнадцать семечек на круглый холм. Из этих семечек выросли сосны, и ветер стал их крестным отцом, он воспитывал их. Ветер был очень старый и поэтому очень часто гудел и трепал сосенки за верхушки.

Внизу под холмом извивалась в причудливых линиях небольшая речка. Русло ее было украшено зелеными ивами, которые, цепляясь за берег, наклонялись к реке и своими ветками пытались противостоять ее быстрому течению. Вокруг веток образовывались маленькие водовороты.

Сосны были свидетелями многих событий. Больше всего они дорожили тайной влюбленных, которые приходили на холм. Не было лучше места для объяснений в любви и клятв, которые давали друг другу влюбленные.

В этот день на холме появилась пара молодых людей, державшихся за руки. Это были подростки из близлежащего дома отдыха. Алесь и Дина

познакомились недавно. Дина перешла в десятый класс московской школы, а Алесь учился на втором курсе сельского профтехучилища в Белоруссии – собирался стать трактористом.

Дина приехала в пансионат с родителями, которым выделили путевку в больницу, где они работали врачами. Приезд Алесь в пансионат был следствием трагического происшествия, которое потрясло весь мир - чернобыльской катастрофы.

После взрыва на чернобыльской атомной станции учащиеся сельского профтехучилища, расположенного в нескольких километрах от станции на другой стороне реки Припять, были экстренно эвакуированы. Ребятам погрузили в автобусы прямо из училища и срочно вывезли, не разрешив зайти домой за вещами и попрощаться с родными. Поэтому Алесь не знал, куда эвакуирована его мама, которая была вывезена с фермы, где работала дояркой. Организаторы эвакуации обещали ее разыскать. Но известий пока не поступало.

Когда подростков привезли в пансионат, встречавшие их врачи были ошеломлены тем, что каждый из них получил громадную дозу радиоактивного облучения. От сукожной формы пэтэушников исходил отвратительный кислый смрад, опровергая все рассказы о том, что радиация не имеет ни вкуса, ни запаха.

Всех ребят долго мыли, переодевали в военно-спортивное обмундирование комсомольских строительных отрядов. А их одежда вплоть до нижнего белья подлежала немедленному уничтожению в специальных аппаратах.

Постоянная грусть не сходила с лиц ребят. Тяжело на них отражалось и то, что в суматохе эвакуации никто не записал адреса мест, куда уехали их родные из различных деревень и поселков, примыкавших к взорвавшейся станции.

Бодрые и активные еще несколько дней назад, они превратились в вялых и безразличных. Страшная радиация уничтожила в них все силы. Даже на организуемой в пансионате дискотеке они танцевали один два танца, а потом уходили спать.

Именно на дискотеке Алесь и познакомился с Диной. Он увидел ее стоящей в углу вместе с другими девчонками, сразу обратил на нее внимание. Она выделялась среди других своим ярким платьем, красивыми бантиками на голове и веселым щебетаньем.

Алесь пригласил Дину на танец. Он танцевал, неуклюже передвигая ногами. Девушка танцевала прекрасно.

Во время танца Алесь спросил:

- Как зовут такую пригожую дзевчину?

Хотя москвичка и не знала белорусского, но поняла, что речь идет об имени красивой девушки.

-Дина, - ответила она, - а тебя?

- Алесь, - сделав паузу, добавил, - Алесь Карась.

- Карась... Фамилия какая интересная!

- Ничего интересного, обычная, - немного обиженно произнес юноша.

При этом он вспомнил, как его дразнили товарищи из училища: «Маленькая рыбка, жареный карась, где твоя улыбка, что была вчорась?»

- Нормальная белорусская фамилия, - повторил Алесь.

Алесь, провожая Дину, рассказывал ей о Белоруссии и о своем замечательном селе на берегу Припяти, которое несколько недель назад стало необитаемым.

Дине было интересно узнать о чернобыльской аварии. Алесь рассказал ей, как он, услышав об аварии на станции, залез на дерево, которое росло рядом с его училищем, и наблюдал оттуда за огнедышащей станцией.

- Ярка зьяе, - сказал он по-белорусски.

- Что ты сказал?

- Ярко горела, - перевел Алесь.

- Но это же близко, - испугано воскликнула девушка, - там же была жуткая радиация.

- Разве мы это разумели? - вздохнув, произнес Алесь.

У домика, где разместилась на отдых семья Дины, ее поджидали родители.

- Познакомьтесь, это Алесь, он из Белоруссии, - представила своего провожатого Дина.

Федор Сергеевич, отец Дины, поправив вечно сползавшие с носа очки, сказал:

- Мы очень переживали за вас, ведь вы столько пережили. А где сейчас Ваши родители?

- Не знаю, - тяжело вздохнул Алесь, - отца у меня нет, а маму куда-то эвакуировали, теперь мы ищем друг друга.

- Как вы себя чувствуете? - спросила Зинаида Сергеевна, мама Дины.

- В общем, ничего, только устаю очень, и спать хочется.

- Да, беда, да какая, - посочувствовал Федор Сергеевич.

Молодые люди стали встречаться каждый день. Они вместе ходили на пляж и лежали в тени, так как ребятам, приехавшим из чернобыльской зоны, загорать было категорически запрещено.

Алесь с восторгом рассказывал о Белоруссии, о ее природе, о прекрасных песнях, о героях-партизанах, о своем дедушке, который воевал в партизанском отряде и был разведчиком, о деревне Хатынь, где фашисты сожгли заживо сотни людей.

Дина с интересом слушала Алесь, а потом рассказывала ему о Москве, о своей школе, замечательном Детском театре, цирке на Цветном бульваре.

Алесь восторженно слушал и, вздыхая, говорил, что всегда мечтал побывать в Москве. Его группу, победительницу соцсоревнования, обещали отвезти на экскурсию в столицу. Но случилась авария.

Им нравилась гулять на холме, где росли пятнадцать сосен, там был какой-то особый воздух, который пьянил, и от него кружилась голова. Многие отдыхающие также любили этот холм, но когда все уходило на вечернее мероприятие, на холме оставалось очень мало людей. В это время Алесь и Дина больше всего любили прогулки среди сосен.

Однажды Зинаида Сергеевна увидела, как, держась за руки, гуляют ее дочь и Алесь. Обратила она внимание и на то, что смотрят они друг на друга влюбленными глазами.

Придя в домик, она сказала мужу:

- Ой, не нравится мне эта дружба. Что хорошего Динка приобретет от этого деревенского паренька? Рано ей еще в любовь играть.

Федор Сергеевич, возразил:

- Насчет рано, не права, мать, возраст у Дины, как у Джульетты. Именно в это время начинается первая любовь. Правда, как правило, она не имеет продолжения. Поэтому и волноваться нечего.

- Ты всегда очень спокоен, - обвинила своего мужа Зинаида Сергеевна, - а я за дочь беспокоюсь. Хотя я и врач, но не уверена, что этот мальчик не излучает радиацию. Еще не хватало, чтобы дочь дозу схватила. Ты как хочешь, а я с ней поговорю.

Когда Дина вернулась в домик, Зинаида Сергеевна решила поговорить с ней. Разговор не получался. Казалось, собеседники разговаривают на разных языках. Мать убеждала дочь, что этому маловоспитанному мальчику не стоит уделять столько внимания, сколько уделяет Дина.

Дина сначала молчала, слушая эмоциональные рассуждения матери, а потом резко сказала:

- Прости, мама, но друзей и собеседников я буду выбирать сама.

Зинаида Сергеевна, вытирая слезы, пошла в комнату, где муж смотрел футбольный матч. Федор Сергеевич, выключив телевизор, философски размышляя, сказал:

- Детская любовь, как насморк, даже если не лечить, пройдет. Не надо больше Диночке мешать. Она сама разберется.

Зинаида Сергеевна, грозно посмотрев на мужа, произнесла:

- Ничего ты не понимаешь. У тебя вся жизнь проста, как насморк.

Два последующих дня в семье царило напряжение. Супруги дулись друг на друга, а Дина продолжала встречаться с Алесем.

Однажды Алесь прибежал на свидание радостный и взволнованный.

- Мама нашлась, - воскликнул он и вдруг обнял Дину и поцеловал ее в щеку.

Дина от неожиданности вздрогнула. Но быстро поняла состояние друга и, радуясь вместе с ним, воскликнула:

- Поздравляю... Поздравляю... Это здорово! Где она сейчас?

- Она в Витебске, у родственников. Ей удалось разыскать мой адрес, и она написала письмо.

- Ты теперь уедешь? - с тревогой спросила Дина.

- Нет, не отпускают, пока не пройду курс реабилитации.

- Это здорово! - воскликнула девушка. - Значит, у нас еще есть время.

- Для чего?

- Для общения.

Алесь, взглянув на Дину смущенно-влюбленным взглядом, сказал:

- А я вообще не хочу с тобой расставаться. Ты такая красивая, такая умная. Такой девушки я никогда не встречал.

Ветер, услышав эти слова, радостно зашумел. А молодые люди, взявшись за руки, долго стояли на краю холма и смотрели на убегающую вдаль речку, изгибы которой по равнине напоминали перипетии жизни.

Когда Дина вернулась в домик, то застала картину, которая страшно расстроила ее. Родители собирали вещи и готовились к отъезду.

- Разве мы уезжаем? - удивленно спросила дочь.

- Да, уезжаем, - твердо, тоном, не допускающим возражений, ответила Зинаида Сергеевна.

- Но мы должны отдыхать еще неделю, - упавшим голосом проговорила Дина.

- Обстоятельства изменились, нам надо в Москву, - поддержал жену Федор Сергеевич.

Дина поняла: возражения бесполезны. Она выбежала из домика и отправилась искать Карася.

Алесь в клубе играл в шахматы. Увидев встревоженную Дину, он прервал игру, подошел к ней. Дина со слезами на глазах рассказала ему о решении родителей завтра покинуть пансионат.

Вечером они пошли на свой любимый холм. Молча шли по самому краю обрыва, взявшись за руки. Над рекой поднимался туман, и в вечерней дымке казалось, что они стоят на берегу бескрайнего моря.

- Я обязательно приеду к тебе в Москву, - произнес Алесь.

Потом сделал паузу и добавил:

- Если ты меня не забудешь.

- Не забуду. Ты очень интересный человек. Мы будем писать друг другу письма и обязательно встретимся.

Помолчав, Дина сказала:

- Даже если нам будут мешать.

И, повернувшись к Алесю, поцеловала его.

Сосны разговаривали с ветром. Они отлично понимали молодых людей, и ласковый шум ветра в их кронах звучал музыкой чистой юношеской любви.

Интервью

Сергея разбудил гудок парохода, который проходил недалеко от берега моря, где расположился лагерь «Трудовая смена», недавно созданный по решению советского правительства специально для учащихся профессиональных училищ. Сергей выбежал на берег утреннего моря. Море ласково гладило мелкими гребешками волн галечный берег, на котором после вчерашнего шторма валялся выброшенный волнами разноцветный мусор, украшенный засыхающими медузами. Несмотря на то, что допоздна накануне праздновали день рождения Виктора, одного из соратников Сергея по игровой команде, он решил не нарушать своего распорядка и сделать зарядку, чтобы в очередной раз побороться с увеличивающимся весом.

Включив радиоприемник, он начал в сопровождении раздающихся из него песен делать привычные упражнения. Вдруг музыка прекратилась, послышались мелодичные позывные радиостанции «Маяк», и диктор строгим голосом объявил: «Прослушайте специальный выпуск новостей».

Сергей застыл в тревожном ожидании. В последнее время он понимал, что в стране что-то назревало. Он приветствовал демократические преобразования, начатые Горбачевым, а год назад принял важное для себя решение – вышел из рядов Коммунистической партии, членом которой являлся более двадцати лет. Накануне днем срочно вызванная в Москву инструктор ЦК КПСС Варвара, симпатизировавшая Сергею, прощаясь с ним, сказала:

- Нас ждут большие перемены, и ты, как нормальный человек, скоро вернешься в партию.

Потом, ехидно улыбаясь, добавила:

- Если мы тебя снова примем.

Все это он вспомнил, после того как услышал сообщение о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению и отстранении М.С. Горбачева от должности.

«Вот и кончилась демократия, - подумал Сергей, - рухнули наши надежды на перемены». Бросив борьбу со своим весом, он быстро побежал в домик, где размещались его друзья, входившие в команду организаторов сбора.

Первым, кого он с трудом разбудил, был Володя, больше десятка лет проработавший в ЦК ВЛКСМ. Тот, открыв один глаз, переспросил Сергея:

- Кто, говоришь, там во главе этого ГКЧП?

- Янаев.

- Не переживай, - успокаивая Сергея, произнес бывший работник ЦК, - я с ним работал. Проспится, опохмелится и все отменит.

Несмотря на такую оптимистическую речь Володи, вся команда быстро собралась в штабе.

Скоро туда подтянулась и бригада телекомпании «Останкино» во главе с известным журналистом и очень эмоциональной женщиной Машей Гарезовой. Маша взволновано, чуть не рыдая, постоянно повторяла одну и ту же фразу:

- Надо что-то делать... Надо что-то делать...

Обсуждали возникшую ситуацию на фоне сообщавшего новости телевизора. На улицах Москвы танки, безоружные люди у Белого дома, военные контролируют телецентр...

Маша решила позвонить коллегам в Москву. Со слезами на глазах она сочувственно спросила:

- Ребята, как вы там? Сообщают, что телецентр контролируют военные.

Закончив разговор, она удивленно произнесла:

- Ребята сказали, что им никто не мешает работать, а военные только в коридоре. Они просят пересылать репортажи, могут дать в эфир.

Слезы моментально высохли, и она начала быстро писать на листочке бумаги план своих журналистских действий.

В комнату вошел Виктор Петрович Прищепкин, один из руководителей лагеря, бывший крупный партийный функционер. Его лицо сияло от радости.

- Наконец-то порядок наведут! - жестко воскликнуло начальство. - Давно пора было этого болтуна и предателя убрать. Развели в стране каких-то ельциных и сахаровых. Давайте программу сбора скорректируем. Собирайте учащихся, им надо все объяснить.

Маша Гарезова вздрогнула и кинула удивленный взгляд на Прищепкина. Потом, толкнув в бок своего оператора, лохматого Костика сказала:

- Виктор Петрович, не могли бы вы прямо сейчас дать интервью первому каналу?

- С удовольствием, - слегка неуверенно ответил Прищепкин.

Давая интервью, он несколько смягчил выражения, но смысл его высказываний остался прежним.

- Нашей стране сегодня, - говорил он, - нужна твердая власть и хороший порядок. А в последнее время власть все более становилась буржуазной и предавала марксизм-ленинизм.

Придав лицу строгое, торжественное выражение, он еще долго говорил о своей преданности делу партии и поддержке ГКЧП.

После ухода начальника в комнате повисла тяжелая пауза, которую прервал голос Сергея:

- Маша, а у нас ты тоже интервью возьмешь?

Грустное лицо Маши оживилось:

- Не бойтесь, что за ваше интервью вас новая власть посадит? Я же знаю, что вы наговорите, - уже весело произнесла корреспондент центрального телевидения.

Сказать, что люди, воспитанные Советской властью, не боялись выступить против организаторов переворота, было бы неправдой. Боязнь сказать то, что думаешь, закладывалась в раннем детстве. Все осознавали, что приход к власти ГКЧП - это возвращение к старым методам руководства страной, и каждое слово, сказанное против этой власти, может привести в тюрьму или психушку. Тем не менее, ветер перемен, который подул в стране с началом горбачевской перестройки, вдохнул в сердца

многих людей надежду на то, что страна вырвется из тоталитарной трясины.

Володя поддержал Сергея:

- Давай, Маша, мы будем противоположное мнение высказывать, если ты не побоишься это мнение дать в эфир.

Маша радостно улыбнулась и сказала:

- Пропадать - так всем вместе, а если погибать - то с музыкой. Давайте, организуем что-то вроде дискуссии.

Дискуссии не получилось. Все собравшиеся высказывались в поддержку зарождающейся демократии. Кто-то говорил достаточно осторожно, а кто-то более резко.

Володя с присущей ему комсомольской безапелляционностью заявил:

- Нельзя снова превращаться в бессловесных рабов, а именно этого хочет ГКЧП. А если это делается под эгидой Компартии, то эту партию надо распустить.

Сергей высказался менее резко:

- ГКЧП хочет навести порядок. Но порядок не может опираться на беззаконие и перевороты.

После записи интервью все направились в клуб, где по инициативе Прищепкина собрались подростки, приехавшие в лагерь, для участия в сборе активистов.

Виктор Петрович эмоционально расхваливал ГКЧП. Он говорил о необходимости наведения порядка, о верности идеалам коммунизма, о поддержке первых решений нового органа власти и долго призывал к соблюдению спокойствия.

То ли призыв был услышан, то ли ошеломленные учащиеся никак не могли осознать происходящее, но беспокойные, даже «бурные», активисты выглядели подавленными. Выслушав пламенную речь начальника, ребята как-то непривычно тихо и медленно разошлись.

Сбор подходил к концу и на 19 августа был запланирован день отдыха и спортивных игр. Маша, получив еще несколько интервью у участников сбора, поехала в Анапу, чтобы передать отснятый материал в Останкино.

Сергей не пошел на пляж вместе со всеми, решив поработать с анкетами ребят. Одновременно он не пропускал выпуски телевизионных новостей. Вдруг он услышал, что в Хасановске группа студентов университета вышла на улицу, протестуя против ГКЧП. Его сын тоже учился в этом университете. Зная его беспокойный характер и

наследственную склонность к активным действиям, он немедленно позвонил в Хасановск. К счастью, сын оказался дома, он немного простудился. Сын рассказал, что в Хасановске все спокойно, а короткая демонстрация студентов быстро закончилась. Танков на улицах нет, но говорят, что они полчаса постояли на улице около танкового училища и снова вернулись в ангары.

Вечером все собрались у телевизора. В программе «Время» повторяли пресс-конференцию ГКЧП, показывали крупным планом дрожащие руки Янаева, танки на улицах Москвы, людей возле Белого дома. А потом дали серию интервью, в том числе интервью Прищепкина и организаторов сбора. Журналисты старались соблюсти баланс во мнениях.

Утром пошел дождь, начался шторм. Погода вконец испортилась. Мрачное настроение погоды передавалось людям. В холле, где стоял телевизор, народу не убывало. Особенно переполнялся холл, когда шли выпуски новостей. Весь день двадцатого августа обстановка менялась. Из одного выпуска новостей можно было понять, что ГКЧП берет верх и Горбачев уже никогда не вернется из Фороса, из другого - что вокруг Ельцина спланивается народ и скоро только ему будут верить люди. С восторгом многие восприняли телевизионную картинку, изображавшую Ельцина на танке, которая явно ассоциировалась с Лениным на броневике у Финляндского вокзала.

Прищепкин ходил по лагерю гордый. Он то с жалостью, то с ненавистью посматривал на команду игротехников, так смело выступившую против ГКЧП.

К вечеру в новостях показали, как над Белым домом вместо красного флага был поднят новый трехцветный флаг России.

Команда ликовала. Прищепкин погрузился.

На следующий день Сергей поехал в Анапу, чтобы приобрести билеты на поезд. Подъехав на машине к кинотеатру «Родина», он увидел небольшую группу людей, внимательно разглядывавших стену кинотеатра. На стене висела листовка с обращением Б.Н. Ельцина к народу. Никто листовку не снимал, и даже милиционер, стоявший рядом, следил то ли за порядком, то ли за сохранностью листовки. Сергей подумал, что, если милиционер охраняет обращение Б.Н. Ельцина, плохи дела у Янаевской клики.

На море заканчивался шторм, и небольшие волны шлифовали поскрипывавшую под их ласковым нажимом прибрежную гальку. Солнце опускалось в море, как будто собираясь принять большую ванну.

Вечером все завершилось. Горбачев вернулся из Фороса, Ельцин произносил речи против Компартии, ГКЧП прекратило свое существование.

Маша Гарезова ликовала, радовалась и наша команда. Кто-то крикнул:

- Давайте бокалы и шампанское!

Прищепкин куда-то пропал, и вдруг мы увидели его, гордо, твердой начальственной походкой идущего по лагерю. Маша схватила оператора Костика и побежала навстречу Виктору Петровичу.

- Виктор Петрович, - спросила она, - вы не могли бы прокомментировать события в Москве?

- Про-коммен-тировать? - с трудом выговаривая слова, переспросил Прищепкин. И не дожидаясь ответа, изрек:

- Как я и говорил раньше, в стране нужен порядок. И молодец Ельцин, что прекратил это безобразие.

- Но вы говорили совсем по-другому! - возмутилась Маша.

- По-другому я не говорил, это вам показалось, - сказал Прищепкин и, повернувшись спиной к Маше и команде организаторов, ретировался быстрой походкой.

Все дружно рассмеялись. Сергей сказал:

- Если бы ГКЧП победил, нам было бы не до смеха. Уже сухари бы сушили.

После слов Сергея повисла пауза, которую прервал голос Виктора:

- Варвара из ЦК звонила, ее отправили отпуск догуливать, возвращается. Сергею просила привет передать и почему-то восхищение его прозорливостью.

Сергей, вздыхая, произнес:

- Она приезжает, а мы уезжаем. Закончилось жаркое лето.

Над морем плыли причудливые облака, и казалось, что это не облака, а белоснежные парусники. Небольшие волны, ударяясь о берег, медленно откатывались обратно в море. Хотелось неотрывно смотреть на солнце, волны и радоваться их сегодняшнему спокойному существованию.

Защита

За окном погода разбрасывала крупные снежинки. Вся страна готовилась к празднику под странным, неродным названием «Миллениум». Наступало третье тысячелетие. Все почему-то радовались

этому событию. Казалось, что, перешагнув из века в век, мир, страна и люди изменятся.

Аркадий Петрович Лихолетов, видный ученый-психолог, стоял у окна и грустно размышлял о происходящем. Причины для грусти у него были нешуточные.

Последнее десятилетие потрясло страну. Все изменилось до неузнаваемости. Состоятельные и авторитетные люди стали нищими и забытыми. Жулики, которых всегда презирал честный народ, стали авторитетными и уважаемыми. Ученые, артисты, учителя в первой половине девяностых месяцами не получали зарплату и перебивались случайными заработками. Продавалось все и вся: места чиновников, места в академию, диссертации и ученые степени. Многие ученые, не выдержав глубокого нищенствования, вынуждены были участвовать в этой псевдонаучной вакханалии.

Аркадий Петрович вспомнил, как он с радостью воспринял приход к власти Ельцина, как поверил ему и пришел в августе 1991 года к Белому дому защищать демократию. Там встретил многих своих друзей и коллег. Когда приехал Ростропович и встал в их ряды, сердце пело от счастья. «Неужели свершилось, неужели закончилась власть шариковых, тех самых, о которых писал Булгаков в замечательном романе «Собачье сердце»?

Но кто тогда знал, что шариковы будут сильны и в новой России. Они при любой перемене власти находят свою нишу и получают дивиденды. Именно они первыми кричали «Долой!» на митингах и сносили памятник Дзержинскому. Потому что знали, что любой хаос и неразбериха им на пользу.

Противно то, думал Лихолетов, что шариковы пришли в науку. Они, сами беспомощные и бездарные, постепенно захватили ряд отраслей научных знаний. Особенно тех, о которых все рассуждают, и в то же время в которых никто не разбирается. Именно в этих отраслях широкое раздолье для дилетантов и имитаторов от науки.

Аркадий Петрович много работал, исследовал, писал и честно получал всяческие награды. При этом особенно не реагировал на то, что кто-то рядом получал эти награды явно незаслуженно, применяя недозволенные приемы манипулирования людьми. Но только вчера он понял, насколько окрепли и захватили власть эти люди.

События последней недели показали, что предела наглости этих псевдонаучных гениев нет.

И вот совершенно неожиданно Лихолетова пригласил к себе директор института Рафик Тигранович Аграбян.

Аграбян стал директором в период неразберихи девяностых. В советское время он занимал скромное место коменданта аспирантского общежития, после этого стал заместителем директора института по хозяйственной части. И тут начался его научный взлет. Очень быстро он защитил кандидатскую диссертацию, через два года докторскую. Но самым неожиданным было его избрание членом-корреспондентом, потом академиком. Научных заслуг у Аграбяна не было, но зато была прекрасная организаторская и хозяйственная хватка. Он всегда выбивал какие-то гранты, получал заказы, и от этого пирога перепало всем сотрудникам института. Поэтому они, тихонько посмеиваясь над ученым Аграбяном, плохо выговаривавшим русские слова, принимали его как директора, обеспечивающего нормальное существование института в трудное время.

Рафик Тигранович по-кошачьи ласково пригласил Аркадия Петровича сесть и даже предложил выпить с ним чашечку кофе. Лихолетов, зная хитрого лиса Аграбяна, насторожился.

Директор вкрадчиво начал расспрашивать об успехах лаборатории и о подготовке научных кадров, о молодой смене. «Что-то ему от меня очень надо, - подумал Лихолетов, - ему всегда деньги были нужны, а не подготовка научных кадров».

- Слышал, что у вас в лаборатории скоро еще кандидат наук будет? - как бы невзначай спросил Аграбян.

Аркадий Петрович, чувствуя какой-то подвох, насторожился.

Одна из аспиранток его лаборатории, очень способная девушка Марина Сеймская, завершила свое диссертационное исследование, которое после длительного обсуждения было рекомендовано к защите на диссертационном совете. Марина была одной из самых способных учениц Лихолетова, а кроме того, его в ней привлекали задор, обаяние и стремление всегда помогать людям.

- Да, - ответил он, - Марина Сеймская подготовила прекрасную диссертацию.

Аграбян, словно не услышав ответа, перевел разговор на другую тему.

- Кстати, скоро выборы будут, вам пора в члены-корреспонденты подавать.

- Подавал уже три раза, все бесполезно, - с обидой в голосе произнес Аркадий Петрович.

У Лихолетова чуть не вырвалось, что в академии все уже распределено и продано. Но он промолчал. Доказать невозможно, а в опалу попасть можно запросто.

Рафик Тигранович, хитро улыбаясь, подмигнув Аркадию Петровичу, произнес:

- А в этот раз все может получиться, только надо разумно себя вести.

Аркадий Петрович пытался догадаться, что же нужно от него Аграбяну. Но никак не получалось.

Вдруг Рафик Тигранович почему-то полусшепотом спросил:

- А нельзя вашу Мариночку немного задержать с защитой?

- Зачем?! - непонимающе спросил Лихолетов.

- Есть обстоятельства.

- Тут на выходе диссертация с аналогичной темой, а главное...

Сделав паузу, он продолжил:

- Этот диссертант моя дочь Лолочка...

У Аркадия Петровича все перевернулось внутри. Хотелось встать и крикнуть в глаза Аграбяну то, что он думает о шайке лжеученых, захвативших власть в институте. Но, несмотря на свой взрывной холерический темперамент, он научился сдерживать себя. Правда, не всегда это получалось. И в этот раз с трудом сдержался.

Он молчал. Пауза затянулась. Аграбян бросил на него взгляд человека, потерявшего всякий интерес к собеседнику.

- Идите, подумайте над моей просьбой, - сказал директор и начал перебирать бумаги на столе, не обращая внимания на Лихолетова.

Лихолетов почувствовал себя беспомощным кроликом в пасти удава.

Он очень бережно относился к своим ученикам. Любил произносить фразу из «Маленького принца» Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». У него было уже много выпестованных им кандидатов и докторов наук. Он помнил каждого и каждого считал почти родным человеком. Большинство из них относилось к нему так же. Он никогда не предавал своих учеников. Правда, одна ученица все же его предала и пыталась крепко насолить ему, но он предпочитал не вспоминать об этом. Когда кто-нибудь напоминал о ней, он шутил: «Среди учеников всегда есть место для Иуды».

Мариночку Сеймскую он очень ценил и знал, что за ее исследованием стоит большая и напряженная творческая работа, новые идеи и ценные научные выводы.

В коридоре он лицом к лицу встретился с известным академиком Фельковским, возглавлявшим диссертационный совет. Тот приветливо улыбнулся Аркадию Петровичу и как бы невзначай сказал:

- Знаете ли, что-то часто защищаются ваши ученики, ВАК может не понять. Не пора ли сделать небольшую паузу?

«Одна шайка», - подумал Лихолетов и, обойдя Фельковского, как столб, стоящий на пути, прошел в свою лабораторию.

Весь день его трясло от чувства несправедливости и безвыходности. Марине он решил ничего не говорить. Ему надо было самому принимать решение. Если он будет настаивать на ее защите, Фельковский и Аграбян могут сделать все, чтобы она провалилась. А если пойти на поводу у Аграбяна, то он предаст Марину, чудесную, умную и честную девушку.

Домой он пришел мрачнее тучи. Жена посмотрела на него и спросила:

- Что, неприятности?

- Леночка, хуже, чем неприятности. Меня поставили в дурацкое положение и требуют, чтобы я предал Марину ради дочери Аграбяна.

- Успокойся, все образуется, - сказала Елена и погладила мужа по голове, - пойдем ужинать.

После ужина Лихолетов, как всегда, смотрел программу «Время». С экрана ведущий говорил о совещании, которое приняло очередное решение о борьбе с коррупцией. Аркадий Петрович, не дослушав это важное сообщение, выключил телевизор. «Что же делать? Как поступить? Как помочь Марине?»

Размышления прервал телефонный звонок. Из Праги звонил его бывший аспирант. Он вспомнил, что ровно десять лет назад под руководством Аркадия Петровича защитил диссертацию и решил еще раз поблагодарить своего научного руководителя. Профессору было очень приятно. Вся чернота дня ушла после этого звонка на второй план. «Как же помочь Марине? - думал он. - Как не отдать ее на растерзание шайке псевдоученых шакалов? Но ведь остались еще порядочные люди, которые помогут».

Он долго рисовал на листе бумаги какие-то непонятные фигуры. Потом взял чистый лист и написал заявление об уходе на пенсию. Потом позвонил в Славск своему другу, который возглавлял в местном университете диссертационный совет. Рассказал о своей ситуации и обратился за помощью. Вместе решили: Марина будет защищаться в Славске. Это был риск и для друга и для Марины. Но другого выхода он не видел.

- Лена, - позвал он жену, - ухожу на пенсию, но науку не брошу. Не хочу больше пресмыкаться перед мерзавцами.

Глаза жены покраснели, в них появились слезинки.

- Знаешь, ты, наверное, прав, - сказала она, - жить надо по совести.

- По совести, - эхом повторил Лихолетов, - несомненно, по совести, по-божески.

Москва готовилась к празднику. На улицах загоралось множество огней, превращавших столицу в сияющее многоцветье.

Мир вступал в новое тысячелетие с надеждой на благополучие и справедливость.

Вместо эпилога

Был обвенчан с двадцатым веком,
Разделял с ним победу и горе.
Спорил, как с больным человеком,
Шел за ним, оставаясь собою.

Было радостно, грустно, страшно.
Но мечтой я растапливал лед.
Верил в то, что живу не напрасно,
Что счастливое завтра придет.

Время жесткой обходит дугой,
Наступает эпохи конец,
В новом веке забредший, чужой,
Я двадцатого века гонец.

Содержание

<i>Отражение века</i>	
<i>Жить по-божески</i>	
<i>Сестры и революция</i>	
<i>Настоящий артист</i>	
<i>Агент</i>	
<i>Доченька</i>	
<i>Борин двор</i>	

<i>Индульгенция от Берия</i>	
<i>Джаз</i>	
<i>Петрович и Петька</i>	
<i>Сосны разговаривали с ветром</i>	
<i>Интервью</i>	
<i>Защита</i>	
<i>Вместо эпилога</i>	
<i>Писать по человечески</i>	

ПИСАТЬ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

Мнение искусствоведа

Эту книгу создал человек, который очень любит жизнь во всех ее проявлениях и которого все окружающие воспринимают весьма активно, неважно, позитивно или негативно. Человек, который, будучи блестящим педагогом, оригинальным и глубоким ученым, по-настоящему общественным и по-настоящему деятелем, не может жить без новых впечатлений, встреч и поступков. Мысль – поступок. Работа – поступок. И проба ранее неизведанного – тоже поступок. Такой поступок совершил Михаил Иосифович Рожков – доктор наук, профессор, академик, директор института, обладатель множества почетных званий и знаков общественного признания. Или, в данном случае – Михаил Рожков, дебютирующий как писатель.

Если есть «актерская проза» (Е.Лебедев, С. Юрский), то может быть и другая «профессиональная».

Причем не о той или иной профессии, а создаваемая человеком, не являющимся писателем по роду своей деятельности, но талантливо пишущим о жизни, делающим это параллельно с другой своей работой. В случае с Рожковым это проза – «педагогическая» (если учесть одну из важнейших граней жизни, работы автора, педагога, воспитателя, просветителя, но отнюдь не назидательность авторской позиции) либо «научная» (если иметь в виду другую важнейшую грань жизни и работы

автора, ученого, исследователя, но отнюдь не позицию популяризации каких-то теоретических идей).

По сути дела, как и авторов «актерской прозы», это – еще один (есть и такой) опыт самореализации. То есть, «писание» Рожкова не есть попытка/стремление/ способ *показать миру*, что «есть, мол, такой» (помните, как у Гоголя – Петр Иванович Бобчинский); это есть попытка *выстроить контакт с миром*. Не изображать, а действовать – жизненный принцип и писательская позиция.

Таким образом, найдено прилагательное для существительного: по аналогии с «актерской прозой», учитывая профессию и круг занятий автора - «человеческая проза».

В ней есть все то, что придает своеобразие литературным текстам, вызывает интерес к ним, доставляет удовольствие читателям и заставляет писателей видеть в авторе потенциального соперника.

В ней есть следы времени (не в датах, а в атмосфере и в деталях) – Берия, Чернобыль, ГКЧП. И того времени, в которое живет автор, и того, которое уже миновало до его рождения, которое он едва ли может помнить в силу своего биологического возраста – но он это время чувствует. Он вообще чувствует время с его атмосферой, предметами, словечками, бытовыми деталями, в которых практически не ошибается.

В ней есть разнообразные ситуации, подчас явно пережитые, подчас дорисованные фантазией, подчас, наверное, починенные, но живые, драматичные, забавные, трогательные. В одну из таких ситуаций попадает мальчик Боря, преследуемый соседками за не им, а кошкой совершенный грех убийства петуха, поскольку Борин отец арестован, а, следовательно, и мальчик ненадежен.

В ней есть многочисленные, мозаично сочетающиеся эпизоды – встречи людей, взлеты любви и ненависти, объяснение научных оппонентов во взаимонепонимании, создание комсомольского джаза в школе, где на собрании можно было говорить и действовать по утвержденному алгоритму.

В ней есть множество людей, мужчин, женщин, стариков, детей... Лица – свердловский портной на берегу Черного моря, укравшая в военной неразберихе чужого ребенка пьянчужка, не донесший на возлюбленную и бросившийся с моста горе-агент, вор и хам, своего рода «ученый с большой дороги»...

И в каждом рассказе не *оценки*, а отношение...

Михаил Рожков в своих рассказах предстает как человек внимательный, а не просто наблюдательный, человек взволнованный, но не впадающий в

грех дидактичности – и это для педагога от Бога большое достоинство. Как человек, чьи рассказы должны найти своего читателя, как находит своих учеников и единомышленников их автор.

**Татьяна Злотникова,
доктор искусствоведения**